

РН.

ИН.

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1904
1908

БЕЛЬГИЯ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ЭМИЛЯ ВЕРХАРНА

EMILE VERHAEREN

1855 — 1916

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

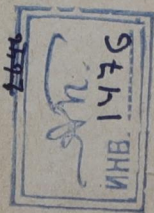
ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

ПОЭМЫ

ПЕРЕВОД ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И
ДОПОЛНЕННОЕ

ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА. МСМХХІІІ

12/2-53

Отпечатано 6.000 экз.
в Тип. Коминтерна
Гиз № 3214 Главлит
№ 5319. Петербург.

. П О Э М Ы

1883 — 1916

RECEIVED

NOV 18 1893

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эмиль Верхарн по происхождению—бельгиец, точнее—фламандец. Правильно имя его (Emile Verhaeren) произносится Верх  рен, но мы усвоили французское произношение Верх  рн или Вер  рн. Это—не совсем несправедливо, так как Верхарн, при всей своей любви к родной Фландрии, все же—поэт французский. Его родной, материнский язык—именно французский (до 6—7 лет он ни слова не знал по-фламандски; все его произведения написаны на французском языке; все его творчество развилось под влиянием французских поэтов и органически входит в эволюцию французской литературы).

Родился Эмиль Верхарн 22 мая 1855 г. в местечке Сент-Аман (Saint-Amand) близ Антверпена. Детство поэта прошло во фламандской деревне, на берегу Шельды, или, как ее там называют,—Эско, с ее громадными плотинами, миром парусов, барок и моряков. Сент-Аман—страна ветряных мельниц и паромов, корзинщиков и канатчиков, туманов и дождей, заливных лугов и болот; приливы часто подходят к самым деревням, ветер доносит соленое дыхание моря. Впечатления детства оставили неизгладимый след в душе Верхарна, и он постоянно возвращается к ним в своей поэзии.

В 1869 г. Верхарн поступил в коллеж в Генте, где близко сошелся с Роденбахом. Тогда оба уже увлекались литературой. Верхарн поклонялся Ламартину, Шатобриану и Виктору Гюго; для Бельгии того времени это были еще имена революционеров поэзии, и Верхарн смущал класс своим „красным романтизмом“. В 1877 г. Верхарн перешел в университет в Лувене. Здесь его товарищами были Ив. Жилкин, Жиро, Деман. Вместе они стали издавать студенческий журнал „Неделя“ („La Semaine“). Верхарн помещал в нем стихи,—преимущественно сонеты,—в которых начал подражать парнасцам и которые ни в чем не предвещали будущего поэта „мятежных сил“. Впрочем, журнал скоро был прекращен по требованию академической власти.

По окончании курса в университете, Верхарн занялся было адвокатурой в Брюсселе, у Эдмона Пикара, но без успеха и не надолго. Верхарна влекла литература, и скоро он отдал ей все свое время и всю свою жизнь. В ту эпоху, в 80-х годах минувшего века, в Бельгии начиналась борьба

за „новое искусство“. Молодые подхватили у французов знамя „символизма“. Один за другим появились „маленькие журналы“, проповедывавшие новое течение: „Молодая Бельгия“ („La Jeune Belgique“), „Современное искусство“ („L'Art Moderne“), „Базош“ („la Basoche“), „Валлония“ („la Wallonie“) и др. Во всех этих изданиях Верхарн принимал деятельное участие, и его имя стало известным в литературных кругах Бельгии и Парижа.

В 1883 г. Верхарн издал свой первый сборник стихов: „Фламандки“; в 1885—второй: „Монахи“. Эти книги выражают первый период творчества поэта, период могучего здоровья, когда фламандский дух, дух Иордана и Рубенса, веял над поэзией Верхарна. Несмотря на соработничество с молодыми революционерами искусства, Верхарн в своих первых книгах заплатил щедрую дань реализму—в содержании, и парнасу—в форме. В строго-правильных стихах он рисовал яркие и сочные, вполне законченные картины.

На годы 1887—1891 падает в жизни Верхарна тяжкий кризис, физический и моральный. Здоровье поэта было крайне потрясено и его душевный строй нарушен. К этим же годам относятся поездки Верхарна в Испанию и в Англию. Обе страны произвели на него сильное впечатление. Среди предков Верхарна были испанцы, и Испанию он считал родной себе страной. Лондон же глубоко повлиял на поэта напряженностью своей жизни, чудовищным развитием индустрии, „духом машин“, царящим в „столице мира“. Впечатления этих путешествий, как и выражение своих болезненных переживаний, Верхарн выразил в трилогии из сборников стихов: „Вечера“, „Разгромы“ и „Черные Факелы“.

90-ые годы были для Верхарна эпохой возрождения. Между прочим, в эту пору он особенно увлекался социальными проблемами. В 1892 г. Верхарн, вместе с Экхудом и Вандервельде, основал в Брюсселе при „Народном доме“, тогда только что возникшем, „художественную секцию“. Там для рабочих читались лекции о современном искусстве, исполнялись оперы Вагнера, давались литературные вечера. Стихи Верхарна этого периода также посвящены преимущественно вопросам общественности. Таковы сборники поэм: „Обезумевшие селения“, „Призрачные деревни“, „Города со щупальцами“ и драма „Зори“. Одновременно с этими книгами Верхарном написан ряд других: „Представшие мне по пути“, „Лозы моей стены“, драмы „Монастырь“ и „Филипп II“ и др. В них творчество поэта освобождается от разедающего пессимизма и самоубийственной иронии предшествующих лет.

Постепенно поэзия Верхарна вновь приобрела характер мощного здоровья. Мятежные искания кончились. Самая жизнь поэта стала устойчивой и кристаллизовалась в определенных формах. Признанный критикой как родной страны и Франции, так и всего мира, за одного из замечательнейших писателей современности,—если не за самого сильного поэта наших дней,—Верхарн все свое время и всю свою жизнь отдал литературной работе. Зимой он жил около Парижа, в Сен-Клу, где у него была постоянная квартира, ранней весной—около Остенде, летом—в своем деревенском домике, в селении Caillou-qui-bique, около станции Ангро, в бельгийской провинции Эно; несколько недель в году поэт проводил еще в Брюсселе. Большую часть

дня он посвящал творчеству; много времени отнимала переписка, которую Верхарн поддерживал со своими друзьями, поклонниками и учениками во всех странах Европы и частью вне Европы; досуг отдавался прогулкам, лесу или по улицам шумного города, и встречам с избранным кругом писателей. В 6 час. утра Верхарн всегда был уже за работой, в 10 вечера, обычно, уже кончал свой день...

Этот новый, плодотворный и очень продуктивный, период творчества Верхарна падает на XX век. Основные книги поэта в эту эпоху посвящены разработке „вечных“ вопросов бытия и познания. Серия открывается сборником „Лики Жизни“ (1899 г.) и продолжается книгами „Мятежные силы“, „Многообразное сияние“, „Властительные ритмы“. В них Верхарн полно выразил свое новое, просветленное, миросозерцание, свои взгляды на историю, политику, различные философские проблемы, на эволюцию всего человечества. Это, так сказать, итоги многолетних раздумий, преобразование в чистое вино поэзии всего, что буйными страстями бродило в сознании Верхарна, в годы его долго не успокаивавшейся юности...

Позднее Верхарн предпринял работу над рядом книг, посвященных родной стране. В серии книг, из которых наиболее замечательные объединены общим заглавием „Вся Фландрия“, Верхарн постарался явить, и всему миру и самим своим соотечественникам, образ Бельгии, как особой страны, где валлоны и фламандцы уже слились в единую нацию, спаянную общим историческим прошлым и общими надеждами на будущее. Эти книги Верхарна стали в Бельгии как бы „классическими“; они частью приняты в школах, и бельгийское юношество учится теперь по поэмам Верхарна, как своего национального поэта.

Рядом с этим творчество Верхарна развивалось и по другим путям. Им была написана трагедия из античной жизни „Елена Спартанская“, издано несколько сборников чисто-лирических, интимных стихотворений, „Светлые часы“, „Часы полудни“, „Вечерние часы“ и др., несколько больших исследований в прозе о художниках (ибо Верхарн—был знатоком и чутким ценителем живописи),—о Рембрандте, Рубенсе, Дж. Энсоре и др., наконец, несколько маленьких книжек, более или менее „случайных“, не считая ряда журнальных статей. Каждый год приносил по несколько книг Верхарна, иногда появляющихся раньше в иностранных переводах,—и каждая увеличивала число читателей и учеников великого бельгийца.

В 1912—1913 г. Верхарн совершил поездку в Германию, где у него были многочисленные поклонники и страстные ученики. Поэт читал лекции во многих городах, и некоторые чтения обращались в восторженные овации. Столь же удачной была поездка зимой 1913—1914 г. в Россию. Верхарн прочел ряд лекций в Петрограде, в Москве, в Варшаве и др. городах, везде с выдающимся успехом. Было несомненно, что Верхарна у нас уже знали и любили.

Европейская война нанесла поэту тяжелые удары. Домик в провинции Эно, где поэт проводил лето, был разрушен бомбардировкой; все имущество Верхарна погибло. Поэт должен был бежать в Англию. Позднее он вернулся на континент, вступив в число военных корреспондентов. Статьи Верхарна о войне собраны в нескольких сборниках—„Окровавленная

Бельгия" и др., а стихи—в книге „Алые крылья войны“. В этих произведениях чувства бельгийца-патриота, к сожалению, заглушают все другое, приводя к пристрастным нападкам на Германию, которую поэт делает ответственной за всю империалистическую войну. Много выше по значению другие поэмы, написанные Верхарном перед самой войной, — поэмы на общие темы, — и изданные после его смерти в сборнике „Высокое пламя“.

Верхарн скончался 27 ноября 1917 г. Он садился в отходивший со станции поезд, отправляясь читать публичную лекцию на тему о войне, но поскользнулся, попал под колеса вагона и был раздавлен. Легенда вложила в его уста предсмертные слова: „Моя жена! моя родина!“ Эти слова, конечно, не могли быть произнесены человеком, буквально раздавленным колесами поезда, и столь же унижают образ Верхарна, как легендарные предсмертные слова Гете: „Больше света!“ возвышают образ немецкого поэта. Величие Верхарна не в том, что он любил свою семью и свою родину, а в том, что он возвышался до подлинной любви к человечеству. В своих лучших созданиях Верхарн был поэтом Человека вообще, поэтом Земли, как особого мира, поэтом, которым мы вправе гордиться перед гениями других планет.

Валерий Брюсов

ИЗ КНИГИ „ФЛАМАНДКИ“

(1883 г.)

ФЛАМАНДСКОЕ ИСКУССТВО.

I

Была, кисть Фландрии, близка
Ты с девками: запечатлела
В шедеврах крепкое их тело
И грудей алых два соска.

И все—царицы и богини,
Нимф розоватый хоровод,
Встающий островом из вод,
Сирены над пучиной синей,

Живые символы весны
И лета, с их улыбкой свежей,
У нас все это—девки те же,
Искусством обожествлены.

Вы, создавая их,—телесных
Всегда, и жирных, и нагих,—
Зажгли огонь под кожей их
Каких-то красок неизвестных.

Их тело—светлые тона,
Их взоры—звезд лучистых свету,
А груди блещут, как букеты
Прекрасной плоти, с полотна.

Вкруг женщин, здесь и там, сивьяны:
Они катаются в кустах
Иль прячутся в густых ветвях,
Грехом потея, страстью пьяны.

Соблазн в их безобразьи скрыт;
Сверлит их взор горящий тени;
Они хохочут от хотений,
И чужд живому смеху стыд.

То с кобелями суки в ведро!
Льнут самки к врагам своим,
На миг сопротивляясь им,
Сжимая розовые бедра;

Потом, охотней и смелей,
Круглят крутые ляжки, спины
Нагие гнут, до половины
Закрыты золотом кудрей,

И подстрекают, торжествуя,
Пойти на приступ, все посметь.
Ведь эти женщины краснеть
Способны лишь до поцелуя.

II

Ваш взор постиг и подсмотрел,
Меж роскоши и меж богатства,
Меж ужасов и святотатства,
Всю красоту, всю прелесть тел.

На ваших радостных полотнах
Нет женщин бледных и худых,
Как листья лилий водяных,
Как лунный лик в водах болотных;

Нет их больных, усталых глаз,
Всегда задумчиво печальных,
И—словно вздохов музыкальных—
Склоненных лиц в вечерний час;

Нет их, простертой на диванах
Поддельной, лживой красоты
В шелках, в уборах из тафты
И в кружевах благоуханных.

Нет! вы не ведали румян,
Прикрас, обманов и глубоко
Во лжи сокрытого порока,
Всего, чем век наш горд и пьян!

У смело смятых изголовий
Вы позволяли нам взглянуть
На радостно нагую грудь,—
В полузадернутом алькове,

Где Афродита пастухов
И повседневные Цитеры,
Стонали в счастии без меры,
Краснея от бесстыдных слов!

И в пышности средневековья,
Меж золота и меж порфир,
Всех ваших женщин пестрый мир
Исполнен силами здоровья!

В них жир белел, алела кровь,
Они с осанкой царской власти
Владели буйством сладострастий
И радостью твоей,—любовь!

БЕЗДЕЛЬНИКИ.

Прежде в ловкости кутнуть
Люди были не бездарней:
Крепче были бедра парней
И упруге девок грудь.

Гнуло скатерти—не мало
Яств здоровых, хоть простых:
Ветчины, сыров больших,
Всяких снедей, масла, сала;

А вокруг семья питух
Гоготала, ржала, пела,
Мертвецов будить умела,
Гимн горланя во весь дух.

Справа, слева, с каждым — рядом
Стан соседки под рукой,
Жирно-полный и тугой,
Так и рвущийся к уладам.

С каждым рядом—два зрачка,
Двум большим огням подобны,
Что в огне страстей способны
Сердце сжечь наверняка.

Рядом—две круглятся груди,
Свежи, алы,— может быть,
Сладко будет в них вонзить
Зубы, в ласковой причуде,—

Груди, льнущие вперед
Из корсажа у соседки,—
Что два яблока на ветке:
Спелый, сочный, вкусный плод.

Этих женщин строй румяный
Лихо пил, как строй мужчин,
За кувшином шел кувшин;
После ж пира, сыты, пьяны,

Жаждой ласк раскалены,
Бабы, в куче, к паре—пара,
С полным ртом ругались яро;
За мужчин, как две жены,

В драку здесь и там вступали,
Кто ногой, кто кулаком,
Кто в углу, кто под столом,
И храпели, где упали,

Подымая шум, точь в точь,
Словно целый полк в сраженьи,
И, их слыша, псы в селеньи
Выли жалобно всю ночь.

СКОТНЫЙ ДВОР.

Великолепный скот скрывая, скотный двор,
Левее дома, где навоз лежал высоко,
Строенье, с ставнями закрытыми,—глубоко
Спал, солнцем раскален, сжигавшим весь
простор.

Там в знойном воздухе полдневного покоя,
В парах, струящихся с соломы на земле,
Огромные быки вздымали круп во мгле,
И взор прикрыв, мыча, коровы млели, стоя.

Потом, в урочный час являлись молодцы,
В кормушку сыпали овес, лаванду, сено,
И челюсти, жуя, сверкали белой пеной;

Меж тем как девушки, придя доить, сосцы
Висячие коров, мешая труд с забавой,
Тянули пальцами умело и лукаво.

СВИНЬИ.

Стада больших свиней—и самки и самцы—
Угрюмым хрюканьем переполняли поле;
Толпились на дворе и бегали по воле,
Тряся молочные, отвислые сосцы.

И близ помойных ям, лучами озаренных,
В навозной жижице барахтались, толпясь;
Мочились, хвост завив, уставив ноги в грязь,
И лоснился узор щетин их очервленных!

Но подходил ноябрь. Их убивали. Ах,
Какой был славный жир в их грузных жи-
вотах!

Из их больших задов само сочилось сало.

И шкуру их скребли, потом палили их,
И пламя тех костров, посмертных, гробовых,
Всему селению веселье возвещало.

ИЗ КНИГИ „МОНАХИ“

(1885 г.)

МОНАХ-ЕРЕСИАРХ.

Вот, в рясе траурной, ересиарх-монах.
Не храм ли гордости возводит он в мечтах,

Один, совсем один, безмолвными руками,
И днем, в огне страстей, и жгучими ночами?

На вечном „Верую“ он строит новый дом,
Как пламенный маяк на берегу морском,

Чтоб заточить в стенах свой бред, свои мученья,
Ложь знания своего, пыл своего сомненья,

И бросить в этот храм железный разум свой,
Огонь души своей, крик жизни молодой!

И храм встает, встает—живая башня—выше,
Бросая, как лучи, спокойный ужас с крыши,

Величье почерпнув в отдельности своей,
Под кротким вызовом сияющих лучей.

Сверкают в вышине холодные спирали,
Как роковой узор, как звезды синей дали:

Кошунственная мысль, как строгие глаза,
Глядит на Господа упрямо в небеса!

* * *

Так он живет, один меж всех, как зачумленный;
Как гроб повапленный без дани похоронной,

На сумрак осужден и мучим Сатаной,
В проказе умственной, изнеможен борьбой,

Всю ночь, до дня, его сомнение тайно гложет;
Мертв для молитв, он петь с другими гимн не
может;

Безмерной тяжестью согбен, вперив в упор
На красные огни видений—блеклый взор,

Провидит что-то он, и все ж, томим химерой,
Не смеет яростно порвать с условной верой,

Той, что торжественно трубит по миру в рог,
И коей вечный Рим есть золотой чертог.

Но день придет, и он падет, монах простертый,
Под гнетом ужаса, под грузом веры мертвой,

Нем, не ища надежд на небе голубом,
Как человек, кого сразил небесный гром.

* * *

Потом восстанет он, велик земным величьем.
Под римской молнией, с бестрепетным обличем,

Пойдет, внося в сердца то ярость, то любовь,
И тень его, упав, погасит свету вновь.

О сколько сект и книг, школ и учений тайных
Возникнет некогда вокруг слов его случайных,

И мир, что папами обещан королям,
Увидит, как кресты качнутся здесь и там!

Все страсти, ненависть, и диспуты, и споры,
Ломая гнет цепей, как яростные своры

Свободу дикую почуявших зверей,
Зубами раздробят догматику церквей;

Повеет ураган веков давно забытых,
Погасит факелы в святилищах разбитых;

Наляжет черный мрак могильной тишиной
От алтарей пустых до паперти пустой,

А там, над далями, горящими пожаром,
Мечи и посохи взметнутся в жесте яром.

МОНАХ ЭПИЧЕСКИЙ.

Как будто вышел он из дремлющих степей,
Тех, где лицом к лицу с неистовством лучей,

На скалах пламенных, на склонах обожженных,
Величественно-горд сон львов уединенных.

Монах тот был гигант, прекрасен, дик и смел,
Казалось, создан он для вековых дел;

Лицо, заросшее хвоей щетин торчащих,
Струило вечность всю из глаз его горящих.

Восьмидесяти лет груз нес он без труда,
И шаг его звучал так твердо сквозь года;

С монументальных плеч спадала прямо ряса,
Ложась изломом скал, вздуваясь, как кираса;

Казалось, он идет по рухнувшим врагам,
И статуи цоколи близки к его рукам,

Как будто кован он, по милости Господней,
Из стали, чтоб крушить все силы преисподней.

* * *

Он влекся в мир мечей, когда, склоняя шею,
Бросали жизнь свою беспечно в эпопею.

Он в этот плоский век, в круг вырожденных дней
Явился, опоздав, апостолом теней;

Он подойти не мог к приниженным подмосткам;
Он для монастыря был чересчур громоздким,

И было не по нем в болоте стыть, стена,
И жить банальностью сегодняшнего дня.

* * *

Как жаждал он равнин, изрытых наводненьем,
Иль скал, разломанных ночным землетрясеньем,

Гор и пустынь, где жгуч недвижный небосклон;
Как старых демонов соблазна жаждал он,

Где, пальцами дразня тела блудниц прекрасных,
Они влекут к губам соски их грудей красных

И застилают взор их плотью огневой,
Как золотом лучей, скользнувших над водой.

На месте был бы он в безлюдьи одиноком,
Застыв, окаменев, весь в подвиге жестоком,

Напрягши ум, душа в невинности бледна,—
И бесконечность с ним была бы там одна.

Он мог бы проходить по сумрачным лагунам,
В лесах, чрез топь болот, по раскаленным дюнам,

Безумец с жестами провидца, и итти
Так, в шумный римский мир, по грозному пути,

С одним простым крестом, где пригвожден
распятый,
Но проповедуя, что близок день расплаты,

Но взор вперяя ввысь, глаза—в огне от снов,
Неистовый дикарь, кто встал—сразить богов.

* * *

Теперь покоится без гроба он, безвестно,
В углу на кладбище, где жирен грунт и тесно,

Червями с'еденный, истлев и недвижим.
Но там, где мощный холм возвысился над ним,

Вновь видишь тех, кто бил медведей, кто открыто
Шел на моржа, сплочен из льда и из гранита,

Кого не клали в гроб, чье тело, кончив брань,
Ложилось на костер, на шелковую ткань,

И в пышности дерев, пылающих над срубом,
Под вечер к небесам вносились дымным клубом.

ПОСЛУШНИК.

(Отрывок).

Вот тихий послушник, смиренный, робкий, низкий,
Но в нем жива любовь, твоя, Франциск Ассизский!

Усердный, ласковый, покорный и простой,
В саду свершает он труд добровольный свой.

Он любит этот сад любовью умиленной,
И пальцы греет он в его листе зеленой;

И полнит аромат его и дни и сон...
За яркие цветы — и солнце любит он,

И чистую лазурь, и ночи в лунном свете,
Когда созвездия плетут по небу сети.

По детски верит он преданьям старины:
Что гибнут лилии под шагом Сатаны,

Что в бесконечности, как радостные грезы,
Витают ангелы, держа святые розы,

Что сердцем чистые за гранью жизни сей
Войдут под сень маслин и пальмовых ветвей,

Что тех приветит Смерть, как мать, рукой любовной,
Кто золото надежд ей вверил безусловно...

.

ИЗ КНИГИ „ВЕЧЕРА“

(1887 г.)

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

Распятые в огне на небе вечера
Струят живую кровь и скорбь свою в болота,
Как в чаши алые литого серебра.
Чтоб отражать внизу страдания ваши, Кто-то
Поставил зеркала пред вами, вечера!

Христос, о пастырь душ, идущий по полянам,—
Звать светлые стада на светлый водопой,
Гляди: восходит Смерть в тоске вечеровой.
И кровь твоих овец течет ручьем багряным...
Вновь вечером встают Голгофы пред тобой!

Голгофы черные встают перед тобою!
Внесем же к ним наш стон и нашу скорбь! Пора!
Прошли века надежд беспечных над землею!
И никнут к черному от крови водопой
Распятые во тьме на небе вечера!

ЛОНДОН.

То—Лондон, о мечта! чугунный и железный,
Где стонет яростно под молотом руда,
Откуда корабли идут в свой путь беззвездный—
К случайностям морей, кто ведает куда!

Вокзалов едкий дым, где светится мерцаньем,
Серебряным огнем, скорбь газовых рожков,
Где чудища тоски режут по росписаньям
Под беспощадный бой Вестминстерских часов.

Вдоль Темзы—фонари; не парок ли бессонных
То сотни веретен вонзились в темь реки?
И в лужах дождевых, огнями озаренных,—
Как утонувшие матросов двойники.

И голоса гуляк, и жесты девки пьяной,
И надпись кабака, подобная Судьбе,—
И вот, внезапно Смерть в толпе, как гость незванный...
То—Лондон, о мечта, влачащийся в тебе!

ГЕРБ ВЕЧЕРА.

Пока холодный мрак террасы, как гроба,
Возводит за леса, над вереском, в высоты,
Льет вечер, медленно слабеющий, в болота
Блеск-своего меча и золота герба,

Что, зыбки и пусты, чуть зыблются волнами,
Еще ласкаемы мерцанием дневным,
Но тихо склонены к лобзаниям ночным
Луны застенчивой, с серебристыми перстами,

Луны, чуть помнящей свои дневные сны,
И небо жгучее, все в золоте лучистом,
И в бледной бледности высот, в просторе мгlistом,
Бледнеющей навек там, в вышине, луны!

МУЧИТЕЛЬСТВО.

Утес отчаянья, в тяжелых небесах
Безмерно скорченный! вот утешенье зим:
И свежесть белизны, и с ней туманов дым,
Что свис, увь! увь! у лиственниц в руках;

Да, вот вечерний снег, величие молчаний.

Вот бой теней, гранит, надменность скал порфирных,
Грома сгущенные эпохи отдаленной,
Что солнце, буйствуя, лучем грызет наклонно,
И что хранит в мечтах всю вечность буйств предмирных.

Да, вот вечерний снег, величие молчаний.

О, сколько надо дней и горестей снести,
Чтоб так определить свой подвиг роковой,
Утес трагический, таящийся, немой,
И неподвижности всю гордость обрести!

Да, вот вечерний снег, величие молчаний.

Спи, звездами храним, горящими в тумане,
Спи, в саванах льдяных, и белых, и пустынных;
Вот—небосвод ночей торжественно-огнистых,
Вот для тебя—зима, утес земных страданий!

Да, вот вечерний снег, величие молчаний.

РОКОВОЙ ЦВЕТОК.

Бесмыслица растет, как роковой цветок
На черноземе чувств, желаний, дум гниющих.
Героев тщетно ждать, спасителей грядущих,
И в разуме родном коснется наш горький рок!

Иду к безумию, к его сияньям белым,
К сияньям лунных солнц, так странных в полдень нам,
К далеким отзвукам, в которых гул и гам,
И лай багряных псов за призрачным пределом.

Озера роз в снегу, и птицы в облаках,
На перьях ветерка присевшие, летая;
Пещеры вечера и жаба золотая,
Задвинувшая даль, у входа на часах;

Клюв цапли, в пустоту разинутый безмерно,
В луче дрожащая недвижно мошкара;
Бессильное тик-так, беспечная игра...
Смерть сумасшедшего, — тебя я понял верно!

МОЛИТВЕННО.

Ночь в небо зимнее свою возносит чашу.

И душу я взношу, скорбящую, ночную,
О Господи, к Тебе, в Твои ночные дали!
Но нет в них ничего, о чем я здесь тоскую,
И капля не падет с небес в мои печали.
Я знаю: Ты—мечта! И все ж во мраке ночи,
Колени преклонив, Тебе молюсь смиренно...
Но Твой не внимлет слух, Твои не видят очи,
Лишь о самом себе я грежу во вселенной.
О сжался, Господи, над бредом и страданьем,
Я должен скорбь излить здесь, пред Твоим
молчаньем.

Ночь в небо зимнее свою возносит чашу.

ИЗ КНИГИ „ЧЕРНЫЕ ФАКЕЛЫ“

(1890 г.)

ОТПЛЫТИЕ.

Дики и злы, набегают валы у скалы,
Море стучит о гранит, и ревет,
Море зовет все вперед и вперед,
Море в приливе растет.

Бараки, сараи, дома вдоль дорог,
Мосты из железа, но сбитые с ног
Ветром; вокзалы, склады, мосты
Глаза маяков, этажи высоты
Дрожат под циклоном,
Бышем по крышам, стенам, колоннам.

И мачты скрипят, и трещат паруса моего корабля
Всему в перебор он рвет якоря,
Он смотрит в зенит,
Он ржет и храпит,
Молниями пьян—летит в океан.

К каким неизвестностям он устремлен?
К каким бредовым пробуждениям?
К каким за-пределам? к каким исступлениям?
Под какой, в корчах весь, небосклон?

На какие безумства и тайные скалы?
К пенам ли вздыбленным (конь одичалый!),
К треску ли корм и бортов
Под крик моряков?
К миражам иль хохоту в даль, как стрела,
Мой корабль, ты летишь, закусив удила?

А то, что считал я рассудком своим,
Глядя, как ты скачешь, свободный и ягой,
Свой тлеющий факел вздымает, и ды
Клубится на пристани старой.

МЯТЕЖ.

Туда, где над площадью—нож гильотины,
Где рыщут мятеж и набат по домам!
Мечты вдруг, безумные,—там!

Бьют сбор барабаны былых оскорблений,
Проклятий бессильных, раздавленных в прах.
Бьют сбор барабаны в умах.

Глядит циферблат колокольни старинной
С угрюмого неба ночного, как глаз...
Чу! бьет предназначенный час!

Над крышами вырвалось мстящее пламя,
И ветер змеистые жала разнес,
Как космы кровавых волос.

Все те, для кого безнадежность—надежда,
Кому вне отчаянья—радости нет,
Выходят из мрака на свет.

Бессчетных шагов возрастающий топот
Все громче и громче в зловещей тени,
На дороге в грядущие дни.

Протянуты руки к разорванным тучам,
Где вдруг прогремел угрожающий гром,
И молнии ловят излом.

Безумцы! кричите свои повеленья!
Сегодня всему наступает пора,
Что бредом казалось вчера.

Зовут... приближаются... ломаются в двери...
Удары прикладов качают окно,—
Убивать—умереть—все равно!

ВЕЧЕР.

I

И губы серебра, и каменные взгляды
Таить в безмерности ледяную тайну рады,
Где мрак ночной мощен тоской.

В тех цирках золото-эфирных, одиноко,
Созвездия крутят ряд жерновов до срока,
Где мрак ночной мощен тоской.

Колонны строгие и этажи строений
Наверно видятся там, вдалеке, сквозь тени,
Где мрак ночной мощен тоской.

Какие мрачные, грозящие гробницы,
Железом замкнуты, вдруг вспыхнут, как зар-
ницы,
Где мрак ночной мощен тоской?

Шаги ли мертвецов, безвестные ль когорты
Нарушат мертвый час, тишь вечности про-
стертой,
Где мрак ночной мощен тоской,

Чтоб навсегда закрыть те каменные взгляды,
Кристаллы золота и тайн, что ныне рады,
Где мрак ночной мощен тоской?

ВЕЧЕР.

II

Над желчью и гангренами болот
Сердца пронзенных звезд роняют кровь с высот

Даль черная, и черный лес,
И в безнадежности небес
Скитанья облаков, друг друга
Теснящих с Севера до Юга.

Мой взор усталый побежден,
Его мечты поблекли; он
Уходит, скорбен и унижен
В край жалких кровель, скудных хижин,

Свинцовый край, где смрадный сток
Зловонен, длинен и глубок,
Где песни тошноты повисли
Над трупами погибших мыслей;

Где ненависти грозный ил
Воспоминанья затопил;
Край костоед, край прокаженных,
Где Смерть к обедне кличет сонных,

Звонит к вечерне, бьет в набат,
Таясь во глуби темных врат,
Под колокольной, в дымной гуще,
Огромным мертвецом встающей.

Чье сердце так в крови?—Мое!
Его насквозь прошло копьё;
Над желчью и гангреной вод
Оно—в крови, звезда высот!

ЖЕНЩИНА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ.

— В злато-эбеновом городе,
Женщина в черном, на перекрестке,
День за днем, опять и опять,
Чего ж тебе ждать?

— Надежды черные, как свора черных псов,
Опять пролаяли, так длительно, на луны,
На луны черные моих зрачков,
Что были некогда восторженны и юны;
Так длительно, так издали,—на луны
Моих безмолвных и больших зрачков.
Как траур с золотом—моих волос прибор,
Что дразнят свору черных псов;
И зыблют вихри гордых снов
Все это тело золотое!

— Женщина в черном, на перекрестке,
День за днем, опять и опять,
Чего ж тебе ждать?

— Поставив паруса, летят к каким набатам,
К каким вечерним снам, отчаяньем объятым,
Сосцы моих грудей,—в какой же черный рай?
Что за Валгалла исступленных фурий
Иль что за кони, вздыбленные бурей,
Мои уста сегодня,—отвечай!

Ах, что за пламя в крушениях ярых
Для псов, что лижут ярость мою,
И что за кара в моих пожарах,
Чтоб жаждать смерти, что я таю?

— Женщина в черном, опять и опять,
День за днем, чего ж тебе ждать?

— Я,—гибель, чьи укусы—нежность.
Поняв погибельность свою,
Влеку все в ту же безнадежность,
Я погибаю и гублю.

Блистают губы кровью красной,
Я блеском их озарена.
Прохожий! я, как смерть, прекрасна
И всенародна, как она.

Ко мне подходит каждый смело,
Следы желаний метит он
На пышном катафалке тела,
При ярком свете похорон.

Я всем даю мои томленья.
Хмелю я всех у входа в храм.
Моей любви богохуленья—
Встают, как факел, к небесам.

Я высью башней драгоценной,
Вся из железа и веков.
Мои дары для всех презренны,
И каждый их вкусить готов.

Я—для безумцев безвозвратных,
Для злобных душ, для душ больных:
Им сладостно, что мне отвратны
Их ласки и презренья их.

Им сладко, что могу их ждать я
В их черно-пурпурном аду,
Где—знамя алого проклятья,
Разметанное в их бреду!

— Женщина в черном, на перекрестке,
День за днем, опять и опять,
Чего ж тебе ждать?

— Вот солнце старое, сдаваясь перед мглой,
В осколках золотых лежит по мостовой,
И город тянется змеиным извиваньем
Огней и отблесков, куда влечет магнит
Предвечный: Женщина! он в темноте стоит
На горизонте гордым изваяньем.
Вся свора черных псов,
Псы безнадежности пролаяли на луны,
На луны черные моих зрачков,
Что были некогда восторженны и юны;
Так длительно, так издали,—на луны
Моих безмолвных и больших зрачков.
Что за огонь бежит от бедер, скоро, скоро,
По золотому телу моему?
Каким сияньем грудь горит во тьму,
Что черных псов осатанела свора?

Что за Валгалла иступленных фурий
Мои уста, колеблемые бурей?
И рвутся волоса, поставив паруса,
В какой же черный рай, к набатам,—отвечай

— Женщина в черном, на перекрестке,
День за днем, опять и опять,
Чего ж тебе ждать?

— Я жду прихода рокового
Того, к кому мой ужас льнет;
Он должен быть со мной; я снова
Сегодня жду, и он придет!

Мучительством, что чуждо людям,
Он жив, и в нем оно—любовь
К моим неукротимым грудям!
Рукам, что проливают кровь,
Я отдаю, бледнея, тело:
Я—та, кому ничто не страх,
Кто брошена для всех, в веках,
Соблазн последний, без предела!

Так кто ж меня возьмет сегодня
В любом притоне преисподней?

— Женщина в черном,
На перекрестке, со взором упорным,
Кого же ты ждешь?

— Того, чей окровавлен нож.

СКАЛА.

Здесь, на скале нагой, что спорит с морем,
Еще чей шаг раздастся, молви, чей?

Здесь буду ль, наконец, один и звон ночей,
Звон похорон, услышу ль здесь, над морем?

Здесь, здесь мне жить с своей душой.
— Здесь буду ль к лику лик с душой? —
Моя душа! дом из эбена,
Где тихо расколола мгла
Надежд великих зеркала,
Здесь буду ль к лику лик с тобой
В глухих сетях ночного плена?
С тобой, и с тем, славнейшим серафим,
Как с Богородицей, с Безумием моим?

Здесь буду ль я один над морем,
В глухих сетях ночного плена?

Здесь жабы черные, повиты мхом,
Пожрут свет солнца на песку морском.

Колонна мощная без архитрава,
Как человек там, в глубине аллей,
И мрамор эпитафий, чья-то слава, —
Над озером из глаз и змей,
И утонувших лебедей станицы
В даль золота и шелка до границы
Влекут самоубийств безмолвных ряд,
Где флоксы и нарциссы мирно спят.

Над мысом, в вечности встающим,
Чу, страшный выкрик птиц морских,
Змеино-остры клювы их,
Поют о смерти всем идущим.

Я на скале изрытой, здесь над морем,
Останусь ли один с моей душой?

Упыюсь ли радостью великой,
Как, нерв за нервом, что в добычу, дико
Безумие вопьется в ум?
Я **выйду** из темницы жуткой,
Из каторжных нор рассудка,
Чтоб повернуть руль к далям наобум?

Не чувствовать, как ходят все смелее
Железным каблуком идеи,
Как где-то вопит неизменно строго
Крик, вечно тот же, ярость или страх,
К неведомому в небесах:
В безумье веровать, как в бога!

Здесь, на скале, вклинившей ребра в море,
Властитель грустный срывистых владений,
Ждать мертвых тел, отшедших уверений,
Наоборот всей жизни необ'ятной.

В доме эбеновом одно лишь будет внятно:
Молчание, что гложет мертвецов;
Тяжелые шаги в безмолвных коридорах;
Однообразное шуршание часов,
И без надежд, что станет звучным шорох;
Чтоб навсегда закрыть окно,
Как знак вдали,—предвестье, что дано!
В салонах старых кресла возлея,
Постели, что встречали смерть не раз,
Перстами бледными следить что день, что час,
Как под висками мысль стучит, слабея.

Здесь, на скале изрытой, что над морем,
Я буду ли один, скажите, с морем,
Я буду ль, наконец, один с моей душой?

И после умереть; и стать ничем;
Быть кем-то, кто забыл совсем,
И кто ушел не под печальный звон,
Без свеч в руке, без нудных похорон,
Так, чтоб не ведал проходящий,
В беспечной радости спешащий,
Что здесь, в тоске ночного плена,
В доме печальном из эбена,
Где больше факел не блестит,
В своем гробу покойник скрыт.

ЗАБЫТАЯ ЛЮБОВЬ.

Любви забытой колесницу
Львы грустные влекут чрез темный сад,
Но взор зажег свою зарницу
Там, где любви забытой колесницу
Львы грустные влекут чрез темный сад.

И четки грудей виснут над прудом,
Сосков, пронзенных золотым ножом.

Омфалы губы, мертвенным кораллом,
И взор Медузы спят на дышле алом;
На черном пьедестале, крепом скрыта,
Без рук, лишь торс, недвижна Афродита,

А сзади, в униженьи, не жива,
Влачится за волосы голова
Иродиады.

Герои рыжие, огнистый сев преданий,
Какие сфинксы вас топтали без пощады?

Ночь мраморов и перлов, снов приют,
С Востока черного что за гроба встают?

С Персеем где дракон в горящих чешуях,
Где ярых молний кровь на синих лезвиях?

Где лотосы лобзаний, и, в просветах,
Лик женщины,—цветы, псалмы, блеск песен
петых?

Где руки нежные, сплетенные во сне
У солнечных грудей и у чела в огне?

И где любовники, что скорчены без власти,
Как вереск золотой, костром смертельной страсти?

Там, где любви забытой колесницу
Львы грустные влекут чрез темный сад,
Мой бодрствующий взгляд,
В торжественном саду воспоминаний,
Увидел выходцев преданий.

К каким провалам и в какую даль безлюдий,
К каким боям, к каким небытиям,
К каким сражениям и к каким паденьям,
Львы рыжие влекут дыханье диких грудей?
Куда их истощенный шаг?
Усталый шаг, шаг по путям унылым,
Куда их истощенный шаг?
К каким могилам?

Над далью алой—город колоссальный,
Дворцы, мосты и крыши в небеса,
Безмерность дымов, вставших вертикально,
Застлала звезд безмолвные глаза,
Как мертвецов, скрыв небеса;
Дубит гул фабрик яркую одежду,
Что завтра станет жизнью—и навек,
В подвалах ночи зиждет человек
Из костяков кладбищенских—надежду;

Вселенную приносит океан
В растворы банков и в громады складов,
А поезда, свистя, пыланьем взглядов
Единый город плывят в вихре стран.

К каким безумиям, в какую даль безлюдий,
К каким краям, к каким небытиям,
К каким забвеньям и каким паденьям
Львы рыжие влекут дыханье диких грудей?
Когда, покинув сад, где мраморы застыли,
И тени добрые деревьев давней были,
Вдоль улиц, яростных и шумных,
Там, в городе, меж толп безумных,
Они влекут, усталые, в столицу—
Любви забытой колесницу?

ВЕЧЕР.

III

Под каменным небесным сводом
Стале-эбеновых столпов,
Вот смолкли стоны молотков.
Вступила ночь. С ее приходом
Вот смолкли стоны молотков,
Что строят днем (ряды веков!)
Хрустальный свет небесным сводам.

Изваянный обломок льда,
Луна, мертва безмерно, сходит,
Без отзвука, и не находит
Ни тучки—скрыться от стыда.
Луна, мертва безмерно, сходит,
Одета в саван золотой,
На север, лестницей крутой.

Меж спутниц, девственных и мирных,
Эфирный путь вершит она,
В стекле озер отражена
И в зеркале болот сапфирных;
Эфирный путь вершит она—
К часовне, где огнем унылым
Мерцают факелы могилам.

Под твердью, что озарена
Мерцаньем факелов унылым,
Проходит медленно к могилам,
В час похорон своих, луна.

СМЕРТЬ.

В одежде, цвета пламени и яда,
Рассудка моего безжизненное тело
Влачится вниз по Темзе онемелой.

Мосты из бронзы, где вагоны,
Встречаясь, будят отзвуки и стоны;
И крылья мрачных парусов
Бросают тень на высь валов;
Огромный циферблат, чьи стрелки недвижимо
Застыли, красной маской скрыт,
Угрюм, на жалкий труп глядит;
Безмерно-мертвый, тот влачится мимо.

Он—мертв, от жажды все понять,
Изваять вечные начала
В гранитной тверди идеала,
Вещей и лиц причины знать!
Он—мерт (и вот плывет, кровавый!)
От познавательной отравы.
Он—мертв, безумно возжелав
Абсурдно-безграничных прав.

Он умер в упоении бреда,
Когда, казалось, снизошла
К нему желанная победа
Полетом праздничным орла!
Он умер: вдруг угасла сила,
Что волю в правду претворила!
Он умер, слишком истончив
Свой необузданный порыв!

Вдоль набережной полусонной,
Вдоль стен, скрывающих завод,
Где молот молнии кует,
Кортеж влачится похоронный.

Казармы, стены, фонари,
Ряд фонарей, что, без ответа,
Недвижно, будут ждать зари;
Блеск тусклый золота и света;
Грусть камней; камней полоса;
Чернь башен; кирпичи строений;
Глядящие в туман и в тени
Их окна,—мутные глаза;
Мир стапелей, где ночь темнее;
Ряд обеснащенных судов
И четвертованные реи,—
Под небом мировых голгоф!

В уборе мертвых камней самоцветных,
Зажженных пурпуром огней рассветных
Рассудка моего безжизненное тело
Влачится вниз по Темзе онемелой.

Ко всем случайностям плывет
Он, сквозь туман, по мути вод,
Под дальний гул глухих набатов,
Разбитых о уступы скалов;
А сзади, пробудясь, дымит
Безмерный город, вновь не сыт;
Плывет в седую бесконечность,
Чтоб спать в вечеровых гробах,
Туда, где, сумрачны и полны,
Вскрыв беспредельность щелей, волны
Медлительно приемлют в вечность
— Каждый прах.

ЧИСЛА.

Я—обезумевший в лесу Предвечных Числ,
Со лбом, в бореньях роковых
Разбитым о недвижность их!

На жесткой почве, с прямою иглы,
Глухого леса высятся стволы;
Их ветки—молний извиванья;
Вверху—квадратных скал углы,
Громады страха и молчанья;
И бесконечность в вышине
Алмазных звезд, с небес ко мне
Глядящих,—строги и суровы;
И за покровами покровы
Вкруг золотой Изиды, в вышине!

Я—обезумевший в лесу Предвечных Числ!

Как взоры пристальны их роковых проблем!
Первичные, они—пред нами суть затем,
Чтоб в вечности пребыть такими ж!
От их всевластных рук вселенной не отыметь,
Они лежат на дне и в сущности вещей,
Нетленно проходя сквозь мириады дней.

Я—обезумевший в лесу Предвечных Числ!

Открою я глаза:—их чудеса кругом!
Закрою я глаза:—они во мне самом!
За кругом круг, в бессчетных сочетаньях,
Они скользят в воспоминаньях,
Я погибаю, я пропал,
Разбив чело о камни скал,
Сломав все пальцы об утесы...
Как бред кошмара—их вопросы!

Вы тексты от каких затерянных страниц?
Остатки от какой разрушенной вселенной?
Ваш отвлеченный взор, взор глаза без ресниц,
Гвоздь, проходящий в сталь, меч, острый не-
изменно!
От ваших пристаней кто вдаль не отплывал?
Но гибли все ладьи о зубья тайных скал.

Мой ум измучен и поник
На берегах спокойных книг,
В слепящем, словно солнце, мраке;
И предо мной, во мгле теней,
Клубком переплетенных змей
Взвиваются хмельные знаки.
Я руки протянул во мгле:
Но вашей тяжестью к земле
Я наклонен в порыве смелом.
Я изнемог, я изнемог—
На переходах всех дорог
Встречаться с вами, как с пределом!

Доколе ж длительная пытка
Отравленного их напитка,
Вливаемого в грудь с высот?
Как знать, реальность или тени
Они? но, холоден, как лед,
Их роковой закон гнетет
Чудовищностью нарушений!
Доколь бесцельность в вышине
Алмазных звезд, в их вечном сне,
Взор устремляющих ко мне
Неумолимо и сурово?
О, вечно ль не сорвать покрыва
Вкруг золотой Изиды, в вышине!

ИЗ КНИГИ „КРАЯ ДОРОГИ“

(1887—1894 г.).

ЧАСЫ.

Ночью, в молчании черном, где тени бесшумные бродят,—
Стук костыля, деревянной ноги.
Это по лестнице времени всходят и сходят
Часы, это—их шаги!

Вкруг устарелых эмблем и наивных узоров
Цифр, под стеклом, утомительный ряд,
О, луны угрюмых, пустых коридоров:
Часы, и их взгляд!

Деревянный киоск роковых откровений,
Взвизги напилка и стук молотков
И младенческий лепет мгновений,—
Часы, и их зов!

Гроба, что повешены всюду на стены,
Склепы цепей и скелетов стальных,
Где кости стучат, возвещая нам числа и смены...
Часы, и весь ужас их!

Часы!
Неутомимы, бессонны,
Вы стучите ногами служанок в больших башмаках,
Вы скользите шагами больничных сиделок.
Напрасно вас молит мой голос смущенный.
Вы сдавили мой страх
Циркулем ваших безжалостных стрелок.

НЕ ЗНАЮ, ГДЕ.

Это где-то на севере, где, я не знаю,
Это где-то на полюсе, в мире стальном,
Там, где стужа когтями скребется по краю
Селитренных скал, изукрашенных льдом.

Это—холод великий, едва отраженный
В серебряном зеркале мертвых озер;
Это—иней, что точит, морочит—бессонный,
Низкорослый, безлиственный бор.

Это—полночь, огромный скелет обнаженный
Над серебряным зеркалом мертвых озер,
Это—полночь, что точит, морочит, хохочет,
Но раздвинуть руками гигантскими хочет
Холодный и звездный простор.

В дали полуночной, безвольной
Это—смолкнувший звон колокольный,
Это—убранный снегом и льдами собор.

Это—хор похоронный, с которым без слов я рыдаю,
Литургия Великого Холода, в мире стальном.
Это где-то,—не в старом ли северном крае?—не знаю!
Это где-то,—не в старом ли северном сердце?—в моем!

К ЧЕМУ-ТО.

Линовщики воды, вы, листья цвета глины,
В равнинах вечности моих, о, сколько вас!
И дождь, и снова дождь, и ветер за часом час,
Что вторит, пучится, раздутый вдоль долины,
И падает, пронзен дождем и под дождем.

— Ноябрь, ноябрь во мгле моей души!—
Вы, листья цвета мук моих, о, сколько вас!

Равнины вечности моей, вы под дождем,
Струя к струе, давно—в уныньи ледяном.

— Ноябрь во мгле моей души!
То ветер Севера, в тиши,
Как зверь, рычит во мгле души.

Вы, листья цвета бурости и мук,
Здесь, над равнинами, о, сколько вас вокруг!
Вы, листья цвета мук и слез,
О, сколько вас над прежним полем грез!

В лохмотьях облаков
Над глазом тусклым и слепым,
Под ураган, сквозь гул и рев,
Поникло солнце тусклым и слепым.

— Ноябрь во мгле моей души!—

Ряд ив, нагнувшихся к болотам дряблой тины,
И черные бакланы сквозь туманы,
Их выкрики упорные, их крики
Однообразные, их в бесконечность крики.

— Ноябрь во мгле моей души! —

В воде там барка длит свое гнилье,
В воде — что сталь, что сабли лезвие,
И ветви верб дрожат в зыбях у берегов
Плачевно, словно пасть без десен и зубов.

— Ноябрь во мгле моей души! —

Ноябрь, и ветер рычит в тиши,
И дождь внизу и с вышины,
И облака плывут в века
По всем путям моей души.

— Ноябрь во мгле моей души —
И зверь во мне рычит в тиши,
Бессмертный зверь моей души.

ВЕНЕРА ПЛАМЕННАЯ.

Вот вечер запахов, вот вечер красок встал,
В высь гордость сумрака властительно восходит,
Тая блеск факелов и блекнувших зеркал.
Дуб, с яростью, вдали застыл, но в небо взводит
Два мощных кулака, прям, хоть разбит грозой.
На зелени труп дня простерся без движенья,
И реют сквозь закат, измызганный росой,
Вороны черные по золоту гниенья.

И ум, усталый ум, угрюмый, в высоту
Стремится вновь, в часы торжественных молчаний,
Чтоб промечтать опять далекую мечту,
Где жизнью зажжена мощь алых ожиданий
И, как большой костер, спалаля волю нам.
Кричащие алчбы и дерзостная вера
Воскрешены опять по слабнувшим сердцам,
И вновь встает, дика и пламенна, Венера,
Властительница, как в святые времена,
Что славили ее в разгуле празднеств шумных
Когда она, как мак, вздымала плоть, бледна, ,
Взвив шею дротиком, с огнем в ноздрах безумных.

ВЕЧЕР.

Я, пальцами вседневной пытки,
Строчащими в ненужном свитке,
Маньячный наблюдатель зла,
Еще пишу слова, слова.

Что до души, она ушла.

Без страсти, чтоб извлечь из зева
Послед мной изжитого гнева,
Остр гордостью, алчбой угрюм,
Скоблю я свой умерший ум.

Что до души, она ушла.

Себя я выплюнул бы смело;
Рот окровавлен, лицо бело,
Пьян собственным своим же я,
Рыгнул бы, рвоты не тая.

Что до души, она ушла.

Устав от ярости, ярюсь я,
Что ярость сжали словно брусся;
И жизнь во мне всегда ясней
В растущей ненависти к ней.

Что до души, она ушла.

Скрутил я кулаками в книге
Нескручиваемые миги,
Вполне скрутить не стало сил,
Хоть руки вдребезги разбил.

Что до души, она ушла.

Предельной ночи вызов, слышишь,
Гудит, там, на путях и крышах,
Закрой окно!—окончен спор
Удила закусить в простор.

КАК КАЖДЫЙ ВЕЧЕР.

Вот жаба старая серо-зеленой ночи...
Квакает она,
Угрюмой пастью цвета водяного,
И льет лучи меж тростника речного,
Вся желчь и золото, луна!

Одна, меж тростника ночного,
Огромные глаза открыв,
Глядит на полночи вселенной,
Одна, меж тростника ночного,
Т жаба старая моей тоски бессменнчой.

Сочится с неба звездный яд,
И капли,—дождь железный,—чу! стуат,
Язвя свинец простора рокового,
Но тот же снова слышится призыв,
Меж тростника ночного,—

Однообразный, цвета водяного,
Однообразный,—петель скрип,—
Однообразный сиплый хрип,
Однообразный и осенний всхлип...

Ах! не короче ли все ночи,—
Чтоб истощить могли—те хрипы,
И не по гроб ли эти вопли,
Незримой двери скрипы, всхлипы?

Нет стужи соразмерно-жгучей,
Зимы достаточно могучей,
С трехрядной яростью зубов,—
Снегов, и инея, и льдов,—
Чтоб задавить призывы тягучий,
Чтоб мне не слышать жабы жалоб,
Чтоб жаба старая моей тоски молчала б!

ДУРНОЙ ЧАС.

С тревожных дней возвратов и прощаний
И неожиданных истом,
Быть тем, кто, одиноко, идет пустым путем,—
А, круг за кругом, груз дней тяжелей в тумане.

Я верил в мысль свою и, верой одержим,
Упорство алое (его в душе слепило,—
И ненависть, и блеск,—незримое светило)
Бросал по глыбам скал, по вздорностям своим.

Быть одиноким и печальным,
На мир взирая вниз, я знал восторг немой,
Художник, веруя в высокий жребий свой
И предан грезам идеальным.

Спокоен, ясен, чист, стих за стихом опять
Вставал и реял по простым дорогам—
К тем мирным очагам убогим,
Где знают, как прощать.

Но дух, изрезанный подкопами сомнений,
(О, тот свинцовый час, вечеровая муть!)
Взорвался вдруг, упал, загородил мне путь,
И воля треснула под грохот разрушений.

Ты умерла навек, уверенность моя!
Рука? ослабла! Взор? затмился! Гордость? пала!
С медлительностью кровь по жилам побежала,
И щупальцами спрут припал ко мне, сося.

Иду к случайностям отныне! Все желанья:
Пусть из гробницы той, где буду погребен,
Как мрамор, пытками и славой опален,
Алея в вечности, встают мои созданья!

Цари Эбена, вскормленные тьмой.
Их черепа—червей добыча; помысл ярый,
Что на античный Рим набрасывал пожары,
Теперь лишь—сок бродящий костяка;
Лемуров сонм покрыл, высасывая газы,
Живот Вителлия, и смрадная река
Несет из прахов их болезни и заразы.

Я—вестник из земли прогнившей мертвецов.

Те губки бледные и мрачные в пещере,
Где каракатицы, как пышные цветы,
Сгибают щупальцы, то—дерзкие мечты
Людей, вносящих к недостижимой сфере,
Иль заключавших мир в железные тиски
Законов роковых. Вот—странники тоски,
Свершавшие свой путь в исканьи долгом Бога,
Сердца, сожженные той верой, пламень чей
Смушал движенье солнц всеильностью своей!
Их всех влекла любовь, священная тревога,—
Всю жизнь отдать другим, и в мире, где царят
Ложь, сладострастие, стяжанье, самомненье,
Все смертные грехи,—воздвигнуть Новый Град
Предельный доброты и жертвоприношенья!
А вот—масоны, мраморно-горды,
Строители из глыб железных,
Столь прочно пригнанных, что тщетно в их
сады

Просилась зелень трав и блеск мерцаний
звездных;

Фламели, выходцы готических легенд;
Иссохшие скупцы, обгрызшие все пальцы;
С крестами рыцари, все в золоте, скитальцы,
В броне мистической, на шлемах с роем лент;
Их жены, чьи глаза казались безгреховны...
Вот—все они лежат, иссохши и бескровны!

Я—вестник предстоящих разложений.

В теплицах, плесенью покрытых,
Взращаю я, меж черных роз,
Унылые безнадежных грез,
Плоды распадов ядовитых,
Гнилые мускулы и мрачный костоед
Убийственного сладострастья.
Болезни? здесь оне справляют ряд побед,
Как косари земного счастья:
Их косы—полумесяц золотой,
Что был на шабашах Гекатой гробовой!
Крик радости, наивные мечтанья,
Вся свежесть детства, все здоровье уст,

Наскоки ветра, зыблящего куст,—
Всех яростно мертвит мое дыханье.
Вот все—на четырех концах судеб,
Как груды желтая, вмещенная во склеп!

Я—вестник скиптроносных разложений.

Вот—жаждавшие кубка Красоты,
Вот—бредившие вечностью соитий,
Морской молившиеся Афродите;
Вот—раны их постыдной наготы,
И кровь их глаз и золото их дланей;
Их фаллы бледные в усилии желаний
Надломлены, и семя,—ряд ручьев,—
По сгусткам крови льется в грязный ров;
Вот—те, кто пламенно искали обороны
От рдяных ужасов своих слепых грехов,
Чтоб грызть самих себя,—безумные горгоны!
Вот здесь—лесбиянки, похожие на львиц,
С гранитным языком, с лицом вседневно

бледным,
Бежавшие назад к желаниям заповедным,
Вперявшие в луну зрачки своих зениц.
Смотри: здесь все и вся, здесь с этим тот, та
с этой,

Преображенные, в позоре и в пыли!
И их крушения—триумф моей земли,
У моря, льющего вдали
Потоки фосфорического света!

Я—вестник беспрестанных разложений.

Я—вестник бесконечных разложений.
Страх—доблесть, чистота—позор, геройство—
грех,

В моем краю все—прах, и я—закон для всех.
Скажи: твой факел я спасительный под'емлю,
Чудовищность твоей иронии приемлю,
Над склепом мировым твой повторяя смех!

В ДАЛЬ.

В тяжелые звонящие буи
Там, вдоль морских побережий,
Заклочена моя душа,
Звонящая там, вдоль морских побережий.

Фрегаты кочевые
(Борты из меди, шканцы золотые)
По глади вод на Север держат ход;
Моя душа
Салюты им приветственные шлет;
Но якоря все те же,
Железные крюки, цепей железных скрежет,
Ее связали у морских побережий.

Моя душа!—Она в песках смертей
Закована, удержана,
Растоптана, повержена,
И в бурях жизни ей
Грозят пески смертей!

Фрегаты кочевые,
Взрезая грудью плеск волны
И флагами оперены,
Уходят в дали голубые,—
Где спят дворцы из золотого льда;
Чтоб отражать в зеркальных стенах
Безумных корм качанье в пенах
И взлеты мачт...—Туда! туда!

Моя душа! она в песках смертей;
Но, выскользнув из пыток истязанья,
Полураздавлены, желанья
За царственной осанкой кораблей
По лону вод летят вперед!
Матросы рыжие поют среди снастей;
Блестит палуба; ослепчнено море;
Витые нити вымпелов,
Над зыбким чудом, реют на просторе,
И весел майский шум валов!

ИЗ КНИГИ „ПРИЗРАЧНЫЕ ДЕРЕВНИ“

(1894 г.)

1.

ВЕТЕР

Вот, зыбля вереск вдоль дорог,
Ноябрьский ветер трубит в рог.
Вот ветер вереск шевелит,
Летит
По деревням и вдоль реки,
Дробится, рвется на куски,—
И дик и строг,
Над вересками трубит в рог.

И над колодцами бадьи,
Качаясь, жалобно звенят,
Кричат
Под ветром жалобы свои.
Под ветром ржавые бадьи
Скрипят,
В тупом и тусклом забытии.

Ноябрьский ветер вдоль реки
Нещадно гонит лепестки
И листья желтые с берез;
Поля, где пробежал мороз,
Метлой железною метет;
Воронья гнезда с веток рвет;
Зовет,
Трубя в свой рог,
Ноябрьский ветер, дик и строг.

Вот старой рамой
Стучит упрямо;
Вот в крыше стонет, словно просит,
И молкнет с яростью бессилья.

А там, над красным краем рва,
Большие мельничные крылья
Летающий ветер косят, косят,—
Раз-два, раз-два, раз-два, раз-два!

Вкруг церкви низкой и убогой
На корточки присев, дома
Дрожат и шепчутся с тревогой,
И церковь вторит им сама.
Раскинув распятые руки,
Кресты на кладбище глухом
Кричат от нестерпимой муки
И на землю падают ничком.

Дик и строг,
Ноябрский ветер трубит в рог
На перекрестке ста дорог!

Встречался ль вам
Ноябрский ветер здесь и там,
Трубач, насильник и бродяга,
От стужи зол и пьян отвагой?
Видали ль вы, как нынче в ночь
Он с неба месяц бросил прочь,
Когда все скудное село
От ужаса изнемогло
И выло, как зверей ватага?

Слыхали ль вы, как, дик и строг,
По верескам и вдоль дорог,
Ноябрский ветер трубит в рог?

ДОЖДЬ.

Как длинные нити, нетихнувший дождь,
Сквозь серое небо, и тучен и тош,
Над квадратами луга, над кубами рощ,
Струится нетихнувший дождь,
Томительный дождь,
Дождь...

Так он льет со вчера,
Так он мокрые тянет лоскутья
С тверди серой и черной;
Терпеливый, упорный,
Так он льет со вчера
На перепутья,
Необорный.

По путям,
Что ведут от полей к городам,
По дорогам безмерно скривленным,
Шагом сонным,
Монотонным,
Утомленным,
Словно дроги путем похоронным,
Проезжают возы, в колеях,
До того без конца параллельных,
Что они исчезают в ночных небесах,
И сливаются в далях предельных,
А вода,
Час за часом, струится всегда;
Плачут травы, деревья и дома
В бесконечности краткой истома...

Перейдя за гнилые плотины,
Разливаются реки в долины
Серой пеной,
И плывет унесенное сено;
Ветер хлещет орешник и ивы;
И, хвостами в воде шевеля,
Стадо черных быков наполняет мычаньем поля;

Вечер близится; тени—пугливы,
И неслышно ложатся вдоль сумрачных рош;
Твердь—все та же;
Также льется нетихнувший дождь,
Долгий дождь,
Дождь густой, непрозрачный, как сажа.

Долгий дождь
Нити вытянул ровно и прямо;
Ткет ногами своими упрямо,
Петля за петлей, стежок за стежком,—
Одеянье,
Закрывая в свой плащ каждый дом,
Каждое зданье,
В плащ изодранный, жалкий,
Что виснет тряпьем,
Как на палке...

Голубятня под крышей зубчатой;
Слуховое оконце, бумагой заткнутое грубо;
Водосточные трубы,
Что крестом стоят над коньком;
На мельницах крылья с заплатой;
Крест над родной колокольной,—
Под долгим дождем,
Непрерывным дождем,
Умирает зимой в агонии безвольной...

О, нетихнувший дождь,
В серых нитях, в морщинах, с большой бородой
Водяной!
О, нетихнувший дождь
Старых стран,
Многодневный, седой, облеченный в туман!

КУЗНЕЦ.

Где выезд в поле, где конец
Жилых домов, седой кузнец,
Старик угрюмый и громадный,
С тех пор, как, ярость затая,
Легла руда под молот жадный,
С тех пор, как дым взошел над горном,
Кует и правит лезвья
Терпенья—над огнем упорным...

И знают жители селенья,
Те, что по близости живут
И в сжатых кулаках таят ожесточенье,
Зачем он принял этот труд,
И что дает ему терпенье
Сдавить свой гневный крик в зубах!
А те, живущие в равнине, на полях,
Чьи тщетные слова—лай пред кустом без зверя,
То увлекаясь, то не веря,
Скрывают страх
И с недоверчивым вниманьем
Глядят в глаза, манящие молчаньем.

Кузнец стучит, старик кует,
За днями день, за годом год.

В свой горн он бросил крик проклятий
И гнев, глухой и вековой;
Холодный вождь безвестных ратей,
В свой горн, горящий, золотой,
Он бросил ярость, горесть,—злобы
И мятежа гудящий рев,
Чтоб дать им яркость молний, чтобы
Им дать закал стальных клинков.

Вот он,
Сомнений чужд и чуждый страха,
Склоненный над огнем, внезапно озарен,
И пламя перед ним, как ряд живых корон;
Вот, молот бросивши с размаха,
Его вздымает он, упрям и напряжен,

Свой молот, вольный и блестящий,
Свой молот, из руды творящий
Оружие побед,
Тех, что провидит он за далью лет!

Пред ним все виды зол, бессчетных, всевозможных:
Голодным беднякам—подарки слов пустых,
Слепцы, ведущие уверенно других;
Желчь отвердевшая—в речах пророков ложных;
Над каждой мыслью—робости рога;
Пред справедливостью—из текстов баррикады;
Мощь рабских рук, не знающих награды
Ни в шуме городском, ни там, где спят луга;
Деревни, скошенные тенью,
Что падает серпом от сумрачных церквей;
И весь народ, привыкший к униженью,
Упавший ниц под нищетой своей,
Не мучимый раскаяньем напрасным,
Сжимающий клинок, что все же станет красным;
И право жить, и право быть собой—
В тюрьме законности, толкуемой неверно;
И пламя радости и нежности мужской,
Погасшее в руках морали лицемерной;
И отравляемый божественный родник,
В котором жадно пьет сознание человека;—
И после всяких клятв, и после всех улик,
Все то же вновь и вновь, донине и от века!

Кузнец, в спокойствии немом,
Не верит хартиям, в которых
Вскрывают смысл иной, потом.
В дни действий гибель—договоры!
И он молчит, давно молчит,
Мужскую гордость сжав зубами воли,
Неистовец из тех, кому две доли:
Он мертв падет иль победит!
Чего он хочет, хочет непреклонно,
Круша своим хотением гранит,
Сгибая им во тьме бездонной
Кривые мировых орбит.

И слушая, как снова, снова
Струятся слезы всех сердец,—
Невозмутимый и суровый,
Седой кузнец,
Он верит пламенно, что злобы неизменной,
Глухих отчаяний безмерная волна,
К единому стремлением сильна,
Однажды повернет к иному времена
И золотой рычаг вселенной!
Что должно ждать с оружием в руках,
Когда родится Миг в чернеющих ночах!
Что должно подавлять преступный крик разлада,

Когда знамена ветер споров рвет;
Что меньше надо слов, но лучше слушать надо,
Чтоб Мига различить во мраке мерный ход;
Что знаменьям не быть ни на земле, ни в небе,
Что бог-спаситель к людям не сойдет,
Но что безмолвные возьмут свой жребий!

Он знает, что толпа, возвысив голос свой,
(О, сила страшная, чей яркий луч далеко
Сверкает на челе торжественного Рока)
Вдруг выхватит безжалостной рукой
Какой-то новый мир из мрака и из крови,
И счастье вырастет, как на полях цветы,
И станет сущностью и жизни и мечты,
Все будет радостью, все будет внове!

И ясно пред собой он видит эти дни,
Как если б, наконец, уже зажглись они:
Когда содружества простейшие уроки
Дадут народам—мир, а жизни—светлый строй;
Не будут люди, злобны и жестоки,
Как волки грызться меж собой;
Сойдет Любовь, чья благодатная сила
Еще неведома в последних глубинах,
С надеждой к тем, кого судьба забыла;
И брешь пробьет в пузатых сундуках
(Где дремлет золото, хранимое напрасно)
День справедливости, несдержанной и красной;
Подвалы, тюрьмы, банки и дворцы
Исчезнут в дни, когда умрут гордыни;
И люди, лишь себя величающие ныне,
Себялюбивые слепцы,
Всеим братьям расточат свои живые миги;
И будет жизнь людей проста, ясна;
Слова (их угадать еще не могут книги)
Все раз'яснят; раскроют все до дна,
Что кажется теперь запутанным и темным;
Причастны Целому, с своим уделом скромным
Сроднятся слабые; и тайны вещества,
Быть может, явят тайну божества...

За днями день, за годом год
Кузнец стучит, старик кует
За гранью города, в тиши,
Как будто лезвие души,
Над красным горном наклонен,
Во глубь столетий смотрит он,
Кует, их светом озарен,
Предвидя сроков окончанье,
Клиники терпенья и молчанья.

ИЗ КНИГИ „ОБЕЗУМЕВШИЕ СЕЛЕНИЯ“

(1894 г.)

ГОРОД.

Приводят все дороги в Город.

Там из туманного дыма,
Громоздя этажи к этажам,
Восхождения лестниц больших к небесам,—
Словно со дна сновидения, там
Город вздымается непобедимо.

Кинуты там,
Заплетены из железа, мосты,
Прыжками через провал пустоты;
Глыбы камней и устои колонн
Над пиками страшных горгон,
Над предместьями—башни,
Крыш и коньков
Взлеты кривые над грудой домов.
Град-осьминог,
Грозен и строг,
Встал над равниной и пашней.

Над туманом,
Отсветом рдяным,
С мачт и столбов горят фонари
От зари до зари,
Как ряды золотых непонятных яиц;
Ни солнца, ни ярких зарниц!
Лицо и полудня незримо
За клубами сажи и дыма!

Нефть и смола, зыбями реки,
Бьются о сваи и бьют о быки;
Жутки свистки проходящих судов,
В страхе кричащих в глубинах тумана;
Зелены светлы,—огни их зрачков,—
Устремленные в даль океана.

На набережных стук сцепившихся фургонов,
И лязганье цепей в движении вагонов;
Там кубы темные железный взносит крюк
И в огненный подвал спускает их упорно;
Мосты вскрываются меж мачт бесчисленных вдруг,
Вздвигаясь к небу виселицей черной,
И буквы медные сверкают в вышине,
На крыше, на карнизе, на стене,
Как в битве неизменной,
Глася о всех концах вселенной!

А наверху, там кэбов стук, пролеток стон,
Движенья поездов, вся полнота усилий;
Полеты дерзкие на мили и на мили
До станций, чей застыл сверкающий фронтон.
Уходят в глубину рельс длинных разветвления,
То в кратер, то в тоннель, чтоб кверху вновь
взлететь,—

В шум, в суету, в смятенье,
Как молний блещущая сеть.
Град-осьминог вершит свои хотенья.

Потоки улицы (как сумрачный канат,
Закрученный вокруг памятников) льются
Излучинами, приходя назад,
И толпы неизменны остаются:
Безумье рук, блеск яростных зрачков
И лихорадочность шагов.—
Опережающее время
Хватают зубы их, днем, ночью на заре;
В смятении, в страхе, в скорби и в игре;
Бросают наугад они живое семя
Туда, и мчит его мгновение на простор;
И двери грохают в неодолимом шуме,
Огромных банков и глухих контор,
И по притонам звякает затвор,—
Под взрывом ветра роковых безумий.

Наружи—заглушенный свет,
Неверно-рдяный, как лоскут горящий,
От фонаря шлет фонарю ответ.
Захвачен алкоголем мир гудящий.
Как ряд зеркальных скиний, бары
Сверкают окнами на тротуары,

И пьянство буйное отражено в стекле;
Слепая девочка, прильнув к стене во мгле,
Свет предлагает: грош за короб (только б
взяли!);

Совокупляется блуд с голодом в подвале;
И схватки черные тоски плотской
Повсюду пляшут на-смерть танец свой.
Но вождение за мигом миг растет,
И ярость делается бурей,
И жажда золота и фосфора влечет
Давить друг друга эти толпы фурий.
И женщины стремятся всех вперед,
Сонм бледных идолов, в чьих косах—знаки пола;
Воспламененно рыжий небосвод
Вскрывается порой какой-то чашей полой.
Тогда, безумен и велик,
К сиянью вносится из общей бури крик;
Дома, отели, площади, все зданья
С таким неистовством ревут, распалены,
Что умирающий напрасно ждет молчанья,
Чтоб мирно взор смежить в минуту тишины.

Таков он днем. Когда ж вечерний час
Ваяет молотом эбеновым, просторы,
Надо долом властвуя, Град привлекает взоры,
Безмерностью ночных надежд смущая глаз.
Он высится: желанье, роскошь, чара
Его сияния возносят к небесам,
В бессчетных светах отблеском пожара;
И иглы рельс влекут по дерзостным путям,
К обманчивым, но сладостным мечтам,
Сопровождаемым удачей, упоением...
Как войско мощное, стоит громада стен,
И доходящие туманы, дым, и тлен
Призывом радостным являются к селеньям.

То—город осьминог,
Спрут пламенный, со щупальцами, жадный,
Костяк торже твенно громадный.

Со всех дорог
Из бесконечности пути приводят в Город.

МОР.

Смерть себе спросила крови
Здесь, в трактире „Трех Гробов“.

Смерть уходит, на прилавке
Бросив черный золотой.
Кто попросит о прибавке?

„Вам на траур и на свечи!“
Вышла, бросив золотой.

Смерть пошла, качая плечи,
Гихим шагом старика
Поискать духовника.

Вот кюрэ понес причастье,
Рядом — мальчик со звонком,
— Слишком поздно —
В дом,
Где уже царит несчастье,
Где уже закрыты окна.

Смерть себе спросила крови,
И теперь пьяна!

— „Матушка Смерть! пощади, пощади!
Пей свой стакан не до дна!
Матушка Смерть! погляди, погляди, —
Наша мольба на ладонке видна!
Матери мы, деревенские тетки,
Как бесконечные четки,
Тянемся мы, без надежд бормоча,
В рваных платках, костылями стуча.
Отражаются в старческом взоре
Годы и горе.
Мы — снедь для могильных червей,
Цель для косы твоей!“

Полно вам старухи!
Смерть—пьяна.
Капли крови, как вина,
Ей забрызгали колет,
Покрывающий скелет.
Пьяные на просьбы глухи.
Голова ее качается,
На плечах, как шар, катается.
Даром денег Смерть не бросит,
Что-нибудь за деньги спросит
Здесь, в трактире „Трех Гробов“,
С бедняков!

— „Матушка Смерть! Это мы—ветераны
(Много нас, много! болят наши раны!),
Черные пни на просеке лесной,
Где ты когда-то гуляла с войной!
Знаем друг друга мы. В дыме и гуле
Ты нам была и видна и слышна:
Ты перед нами несла знамена,
Ядра катала и сыпала пули.
Гордая, строгая, виделась ты
На кругозоре гудящей мечты,
Быстро вставала на бой барабанов,
Первая в битву бросалась вперед...
Матушка Смерть! наша слава! оплот!
Выслушай нас, стариков ветеранов:
Нас огляди, сыновей не губя,—
Где малышам постоять за себя!“

Полно вам болтать без толку!
Разойдитесь втихомолку!
Что ей старый ваш костыль!
Смерть пьяна; сидит, качается,
Голова ее катается,
Как в дорожных рвах бутылъ.
Ей катать бы бочки крови
По полям зеленой нови!
Посидев у вас в трактире,
Погулять желает в мире,
Посреди людских племен,
Под случайностью знамен!

— „Матушка Смерть! Это—я, Богородица,
Видишь, в короне своей золотой,
Я на коленях стою пред тобой.
Я—из часовни, с горы, Богородица.
Вышла тебя попросить за село.
Тысячу лет уж прошло,
Как мою душу скорбящую,
Перед крестом предстоящую,
Горе, как меч беспощадный, прошло.

Матушка Смерть, это—я, Богородица.
Жителям здешним дала я обет
Их защищать в дни несчастья и бед...
Вот и тебя умолять мне приходится!"

Матерь Божья! и на слове
Благодарны мы тебе.
Только Смерть—как не в себе,
Снова хочет крови!
В отуманенном сознании
У нее одно желанье,
Смерть пьяна!
Тихих просьб она не слышит!
Надоели ей
Руки матерей.
Смерть пьяна и злобой дышит:
Злость ее несется вскачь,
Словно мяч,
Через мост,
Из деревни на погост.

— „Смерть! это я—Иисус и твой царь!
Создал я сам тебя, древнюю, встарь,
Чтоб исполнялся закон
Вещей и времен.
Мои пригвожденные руки
Благословили последние муки.
Смерть! Я был мертв и воскрес.
Я—манна с небес.
На землю сошел я смиренно
Вернуть заблудших овец.
Я—твой царь и отец,
Я—мир вселенной!"

Череп к огню наклоня,
Смерть сидит у огня,
Пьет за стаканом стакан и качается,
Полузакрыв глаза,
Улыбается.

У Господа гром, а у Смерти коса!

Хочет кто пить, так садись перед ней,—
Всех угостит из бутылки своей,
Сколько вздумаешь, пей,
Лишь не проси за детей и внучат!
Каждый пьет на свой лад!

И Смерть пила, пила, пила;
Христос ушел,—она не встала,
Подобной дерзостью не мало
Смущая жителей села.

Но дни, и дни опять, и вновь,
(Как будто позабыв все в мире),
Сидела Смерть у них в трактире
И в долг пила без счета кровь...

Потом, однажды утром, встала,
Худую клячу оседлала;
Ей на спину мешок взвалив;
Поехала в раздолье нив.

И к ней из каждой деревушки
Спешили матери-старушки,
Несли ей хлеба и вина,
Чтоб здесь не зажила она;
Несли ей хлеба иль свинины,
Большие, с грушами, корзины,
А дети роем, — весь приход, —
Несли ей мед.

Смерть странствовала много, много
По всем дорогам,
Уже без гнева, и не строго
Глядя вокруг себя: она
Была пьяна.

На ней был рыжий плащ, убогий,
С блестящей пряжкой на отлет,
И с перьями колпак двурогий,
И сапоги, как для болот.
Ее заезженная кляча,
По грязным рывинам маяча,
Тащилась медленно вперед.
И толпы шли за ней в тревоге,
Следя, как медлит на дороге
Хмельной и дремлющий костяк,
Ведущий к далям, без зазренья,
Свой темный ужас. Но не всяк
Мог слышать терпкий запах тленья
И видеть, как, под платьем, ей
Впивался в сердце сонм червей.

ИЗ КНИГИ „ГОРОДА СО ЩУПАЛЬЦАМИ“

(1896 г.)

ВОССТАНИЕ.

Улица быстрым потоком шагов,
Плеч, и рук, и голов,
Катится, в яростном шуме,
К мигу безумий,
Но вместе—
К свершеньям, к надеждам и к мести!
Улица грозная, улица красная,
Властная,
В золоте пышном заката,
В зареве ярком, окрасившем твердь.
Вся смерть
Встала в призывах набата.
Вся смерть,
Как ожившие дико мечты,
Встала в огнях и неистовых криках!
Головы чьи-то на пиках—
Словно на стеблях цветы.

Гулы глухие орудий
(Кашель чугунный безжалостных грудей)
Мерят печальные вздохи минут.
Циферблаты разбиты на башнях высоких,
Не льется на площади ровный их свет
(Словно очи столицы смежили ресницы);
Времени более нет
Для сердец опьяненных, жестоких,
Для толпы, свершающей суд!

Ярость великая, с пламенным ликом,
С радостным криком,
С кровью бушующей в жилах,
Встала на груди камней.
Все она может! все она в силах!
Одно лишь мгновенье
Даст более ей,
Чем целых веков тяготенье.

Все, что мечталось когда-то,
Что гении, в песне крылатой,
Провидели в темной дали,
Что в души, как сев, западало,
Чем души, как весны, цвели,
Все встало,
В миге, смешавшем как сплав:
Ненависть, силу, сознание прав!

Люди празднуют праздник кровавый,
Люди проходят и красны, и пьяны,
Люди проходят по мертвым телам.
Солдаты не знают, кто правый, не правый,
Стучат как всегда барабаны,
Но пальцы устали касаться к куркам.
Толпы народа проходят за толпами следом
Сквозь ужас, под зовами красных знамен,
К началу новых времен,
К победам.

Убивая,—творить, обновлять!
С ненасытной природой вонзать
Зубы в святую мишень!
В великий безумием день
Пряжу для жизни ликующей прясть
Иль жертвой строительной пасть!
Умирая,—творить, обновлять!

Горят мосты и строенья,
(Фасады из крови на фоне ночном),
И в глуби каналов дрожат отраженья—
На самое дно уходящим столбом!
Громадные тени больших колоколен
Лежат, как преграды, по светлой земле.
Огонь над домами, и весел и волен,
Кидает пригоршнями искры во мгле.
И черные дымы извивом могучим
Летят, вне себя, к окровавленным тучам.

Чу! залп!

Смерть, машинально беря на прицел,
Треском сухим разряжаемых ружей
Валит в кровавые лужи
Груды причудливо скорченных тел,
Стоявших, за миг, в полусне столбняковым.
Подавлена давка молчаньем свинцовым;
Трупы, изорваны залпом, простерты;
Обнажился, забыв о пристойности, мертвый;
Отблеск пожара на лицах у всех—
Словно чудовищный смех!

Колокол черный гудит в тишине.
В яростном бое, рыдая и споря,
Хриплые звуки плывут к вышине,
Как валы возмущенного моря.
Торопясь, задыхаясь, вызывает набат
(Так сердца перебоем стучат),
Но часто настойчивый звук,
Как голос пресекавшийся вдруг,
Бессильно смолкает,
И десяток пылающих рук
Кресты колокольной ласкает.

Чу залп!

Толпа—перед входами сумрачных мэрй,
Державших весь город под тяжелой пятой,
Давивших порывы к мечте золотой,
Качает, ломает тяжелые двери;
Засовы трещат, и взлетают замки;
Отдают из утроб сундуки
Расчетные книги, счета и бумаги;
Их факелы лижут своим языком,—
И помнят о черном былом
Лишь черного дыма зигзаги!
Взвились над балконами красные флаги,
И, падая, кто-то руками раскинул в простран-
стве пустом!

Своеволие и буйство везде.
Христос, в полумраке церковей,
Сорванный кем-то с распятия,
Повис на последнем гвозде,
Простирая бессильно объятая.
Лужами разлит елей;
Разбиты стекла Мадонн;
Оплеваны лики икон;
Пол убелен

Снегом причастья,
И по ним проложили не мало дорог
Следы святотатственных ног.

Самоцветные камни убийств и возмездий
Горят, словно взоры далеких созвездий.
Город сверкает,
Как исполин золотой, облеченный в багрец!
Город во мглу простирает
Свой, опоясанный пламенем ярким, венец!
Поля и селенья, безмолвно простерты,
Следят, не решаясь дышать,
Как некто во глуби громадной реторты
Жизнь и безумие хочет смешать,
Как дым, подымаясь из бури народной,
Метет небосвод безответно-холодный.

Убивая, твори, обновляй,
Иль пади и умри!
Открой или руки о двери сломай,—
Ты, искра в сияньи встающей зари!
И что бы судьба ни судила,—
Сквозь сонмы веков нас влечет,
Спеша, задыхаясь, безвестная Сила,
Роковая Сила—вперед!

ГОРОДА И ПОЛЕ.

К БУДУЩЕМУ.

О странник вечности! о человек!
Почувствовал ли ты, откуда,
Так неожиданно, в единый век,
Твоих великих сил возникло чудо?

От глубины морей до яркого убранства
Светил, блуждающих, но собранных в узор,
Из ночи в ночь, в пространство из пространства,
Стремится в высоте пыливый взор.

А здесь, внизу, весь темный сонм столетий,
Почивший в усталых забвении гробах,
Вновь вызван к бытию, встает, истлевший прах,
Былыми красками сверкает в новом свете.

В неистовстве все знать, все взвесить, все измерить,
Проходит человек по лесу естества,
Сквозь тернии кустов, все дальше... Время верит,
Что он найдет свои всемирные права!

Он в пыли, в атомах, в химических началах
Ликующую жизнь стремится подсмотреть.
Все, все захвачено в раскинутую сеть:
Миры вскрываются в песчинках малых!

Герои, мудрецы, художники, пророки,
Все стену тайн долбят, кто ломом, кто рукой.
Одни сошлись в толпу, другие—одиноким,
Но чувствует земля себя уже иной!

И это вы, о города,
Как стражи ставшие по странам, на полянах,
Вместили в свой затвор достаточно труда,
И света нового, и сил багряных,

Чтоб опьянить безумием святым
Умы, живущие тревогой неизменной,
Разжечь их жар и дать упорство им:
В рядах недвижимых числ,
В законах—воплотить весь смысл
Вселенной!

Но дух полей был мирным духом Бога,
Он не хотел борьбы, исканий мятежа;
Он пал. И вот шумит враждебная тревога
На четырех концах родного рубежа.

Поля кончают жизнь под страшной колесницей,
Которую на них дух века ополчил,
И тянут щупальцы столица за столицей,
Чтоб высосать из них остаток прежних сил.

Фабричные гудки запели над простором,
Церковные кресты марает черный дым,
Диск солнца золотой, садясь за кособором,
Уже не кажется причастием святым.

Воскреснут ли, поля, живые дали ваши,
Заклятые от всех безумств и лживых снов:
Сады, открытые для радостных трудов,
Сияньем девственным наполненные чаши?

Вас обречем ли вновь, и с вами луч рассветный
И ветер, и дожди, и кроткие стада,
Весь этот старый мир, знакомый и заветный,
Который взяли в плен и скрыли города?

Иль вы останетесь земли последним раем,
Уже покинутым навеки Божеством,
Где будет сладостно, лучем зари ласкаем,
Мечтать в вечерний час мудрец пред тихим сном?

Кто знает! Жизнь кипит, исполнена сознания,
Что радость в буйстве сил, в их полноте. Так что ж!
Правда и долг людей—лишь беглые мечтанья,
Что на пути надежд пленяют молодежь!

ИЗ КНИГИ „КАЛЕНДАРЬ“

(1894 г.)

ФЕВРАЛЬ.

Есть в мире скорбные сердца,
Что плачут, плачут без конца;
Как мрамор плит в лучах луны,
Они бледны.

Есть в мире много скорбных спин,
Согбанных под ярмом годин,
Как кровли нищенских домов
У берегов.

Есть в мире много скорбных рук,
Иссохших от вседневных мук,
Как листья желтые у ног
В пыли дорог.

Есть в мире много скорбных глаз,
Глядящих с робостью на нас,
Как овцы в час грозы ночной
Глядят с тоской.

Да, много скорбных есть людей,
Усталых в кротости своей,
Что, сгорблены, бегут вдали
По всем путям большой земли.

ДЕКАБРЬ.

— Откройте, люди, откройте дверь мне!
Стучусь в окно я, стучусь в косяк,
Откройте, люди! я—зимний ветер,
Из мертвых листьев на мне наряд.

— Входи свободно, холодный ветер,
Живи всю зиму в печной трубе;
Тебя мы знаем, тебе мы верим,
Холодный ветер, привет тебе!

— Откройте, люди! я—неустанный,
В неверно-серой одежде дождь.
Я чуть заметен в дали туманной,
На фоне неба и голых рощ.

— Входи свободно, дождь неустанный
Входи, холодный, входи, глухой!
Входите вольно, дождь и туманы:
Есть много трещин в стене сырой.

— Откройте, люди, дверные болты,
Откройте, люди, я—белый снег.
Все листья, ветер, в полях размел ты,
Плащом я скрою их все, их всех.

— Входи свободно, под крики выюги
И лилий белых живой посев
Разбрось щедрее по всей лачуге,
До самой печи, о белый снег!

Входите смело, снег, дождь и ветер,
Входите, дети седой зимы!
Мы, люди, любим и вас и север
За скорбь, что с вами познали мы!

ИЗ КНИГИ „ЛОЗЫ МОЕЙ СТЕНЫ“

(1897 г.)

К СЕВЕРУ.

Два моряка возвращались на север.
В вечер осенних туманов!
В Сицилии, в царстве волшебных обманов
Как добыча, досталась им в плен
Семья сирен.

Они возвращались, уверенно горды,
В знакомые фьорды;
Они возвращались на север,
В тоскливый осенний вечер,
Когда веял сумрачный ветер.

Стояли на пристани люди.
Толпа молчаливо глядела
На челн, увлекаемый крыльями пены.
Привязаны к мачтам сирены
(К небесам устремленные груди)
Извивали линии тела,
И золото их украшений горело.

Толпа молчаливо глядела,
Не зная, что близится к ним с океана.
Сквозь дымку тумана
Казались корзиной серебряной челны,
Что плодами и золотом полны,
Что уносятся крыльями пены.

И пели сирены,
Привязаны к мачте,
Лиры сжимая в ослабших руках;
Пели сирены,
Под вечером мрачным,
Косившим все отблески дня на волнах;
Пели сирены,
Привязаны к мачтам,
И, как пламя, пылали высокие груди.
Но не слышали песни на пристани люди.

Они не узнали друзей—двух моряков—
Им знакомых давно.
Не узнали снастей, ни их парусов,
А сами соткали для них полотно.
Молчаливые, косные люди!
И никем не был понят торжествующий сон,
На миг озаривший родной небосклон,
Ибо слишком он был непохож
На скучную местную ложь!
Был к берегу близко на миг
Челн, где зыблилось дивное тело,
Но никто из толпы не постиг,
Что за золото там проблестело!

ИЗ КНИГИ „ЛИКИ ЖИЗНИ“

(1889 г.)

К МОРЮ.

На вечном трепетаньи струй,
Как вещи хрупкие,—вдали
Спят золотые корабли.

И ветер—нежный поцелуй—
Чуть шепчет вслух,
И пена волн,
Лаская челн,—
Как пух.

На море праздник, воскресенье!

Как женщины с богослуженья,
Идут к земле и в небеса—
Там облака, здесь паруса:
На море праздник, воскресенье!
Порой вдали сверкнет весло,
Как ограненное стекло.

Собой и часом просветленный
И в перламутровый убор
Вперяя взор свой ослепленный,
Кричу я в блещущий простор:

„О море! ты, как царь, одето
В атлас отливный, в шелк цветной!
Ты мощь немеркнувшего лета
Сливаешь с ласковой весной!

И ряд твоих зеркал качая,
С волны сбегая на волну,
Кочуют ветры, зажигая
Их голубую глубину.

Ты—пламенность; скользя по волнам,
Хотели б гимн свой петь лучи,—
Но молкнут в золоте безмолвном
Твоей блистающей парчи!

О море, общее наследство
Простой, начальной красоты!
Мое мечтательное детство,
Мой робкий возраст—это ты!

Ты—исступленный, благодатный
Восторг давно отшедших дней!
Ты полно негой невозвратной
Безумной юности моей!

Сегодня в день твой просветленья,
Прибоем пенистым маяя,
На новый бой, на достиженья
Прими в прилив свой и меня!

Я буду жить с душой освобожденной
Под взорами глубоких, ясных лиц,
Что вниз глядят с таинственных границ,
Как рвемся мы к их высоте бездонной;
Вещей живой водоворот
Меня помчит и увлечет
В поток единый превращений;
Я буду—грезой скал, я буду—сном растений
В артерии мои вольется кровь богов,
И, как стрелу, направлю в даль веков
Я власть моих хотений!

Во мне ложится тень. Как колея
Обходит глубоко вокруг вспаханного поля,
Обвешана годами мощь моя.
Уж не всегда, как меч, во мне багряна воля
И гордость не всегда, как дерево, в цвету,
И с меньшей страстностью своим лицом зеленым
Хватает буйный ветер на лету,—
Тот, что в людских лесах проносится циклоном.
О море! чувствую, как сякнут родники
В моей душе—равнине пожелтелой...

Еще хоть раз огнями облеку
Мое измученное тело,
Пока последний час, отмеченный Судьбе,
Его не возвратит, уже навек,—тебе!

Да! в неистомный вихрь зачатий и рождений
О море! примешь ты когда-нибудь мой прах!
Ты будешь мчать его в бушующих волнах,
Ты с красотой своей мои смешаешь тени;
Гробницей будет мне безмерность сил твоих,
Их тайные труды, их подвиг сокровенный,
И существо мое в котле вселенной
Исчезнет, растворясь среди естеств других,—
Но возвратится вновь, чрез тысячи столетий,
Вновь диким, девственным, как в мир
приходят дети:

Ничтожный ком земли, взглянувший в небеса,
Мгновенье новое сознанья,
Едва заметное сверканье,
Недвижной Вечности зажегшее глаза!“

На тихом трепетаньи струй,
Как яркие гроба,—вдали
Спят золотые корабли.

Но ветер—нежный поцелуй—
Чуть шепчет вслух,
И пена волн,
Лаская челн,—
Как пух.

ИЗ КНИГИ „МЯТЕЖНЫЕ СИЛЫ“

(1903 г.)

Трибун.

Как мощных вязов грубые стволы,
Что деды берегли на площади соборной,
Стоит он между нас, надменный и упорный,
В себе связав безвестных сил узлы.

Ребенком вырос он на темных тротуарах
Предместья темного, изъеденного злом,
Где каждый человек с проклятьем был рабом,
И жил, как под замком, в тюрьме укладов старых.

В тяжелом воздухе мертвящего труда,
Меж лбов нахмуренных и спин, согбенных долей,
Где каждый день за стол садилась и нужда...
Все это—с коих пор! и это все—доколе!

И вдруг—его прыжок в шумящий мир борьбы,
Когда народ, сломав преграды вековые,
И кулаки подняв на темный лик судьбы,
Брал приступом фасады золотые,
И, с гневом смешанный, шел дождь камней,
Гся по окнам отблески огней
И словно золотом усыпав мостовые!

И речь его, похожая на кровь,
На связку острых жал, разрозненных нещадно.
И гнев его, и ярость, и любовь
То вместе свитые, то выющиеся жадно
Вокруг его идей!

И мысль его, неистово живая,
Вся огневая,
Вся слитая из воли и страстей!
И жест его, подобный вихрю бури,
В сердца бросающий мечты,
Как сев кровавый с высоты,
Как благодатный дождь с лазури!

И стал он королем торжественных безумий.
Всходил и всходит он, все выше, все вперед,
И мощь его растет, среди восторгов, в шуме,
И сам забыл он, где ее исход!
Весь мир как будто ждал, что встанет он; согласно
Трепещут все сердца с его улыбкой властной;
Он—ужас, гибель, злоба, смерть и кровь;
Он—мир, порядок, сила и любовь!
В нем тайна воли одинокой,
Кующей молоты великих дел,—
И, полон гордости, что знают дети Рока,
Он кровью вечности ее запечатлел!

И вот он у столба распутья мирового,
Где старые пути иным рассечены,
Которым ринутся искатели иного
К блистательной заре неведомой весны!
Он тем уже велик, что отдается страсти,
Не думая, всей девственной душой,
Что сам не знает он своей последней власти
И молний, вверенных ему судьбой!
Что он—загадка весь, с ненайденным решением,
Что с головы до пят он погружен в народ,
Что, целен и упрям, живет его движеньем
И с ним умрет.

И пусть, свершив свой путь, пройдя подобно грому,
Исчезнет он с земли в день празднеств иль стыда,
И пусть шумит за ним иль слава, иль вражда,
Пусть новый час принадлежит другому!
Не до конца его друзья пошли
На пламенный призыв пророческого слова.
И если он исчез, то—чтоб вернуться снова!
Его душа была в Грядущем, там, вдали,
В просторах моря золотого,
Отлив, пришедший в свой черед,
Ее на дне не погребет!
Его былая мощь—сверкает в Океанѣ,
Как искр бесчисленность на волнах,
И в плоть и в кровь вошел огонь его мечтаний,
И истины его—теперь во всех сердцах!

БАНКИР.

Он—в кресле выцветшем, угрюмый, неизменный,
Немного сгорбленный; порывистым пером
Он пишет за своим заваленным столом,
Но мыслью он не здесь,—там, на краю вселенной!

Пред ним Батавия, Коломбо и Капштадт,
Индийский океан и гавани Китая,
Где корабли его, моря пересекая,
То с бурей борятся, то к пристани спешат;

Пред ним те станции, что строил он в пустынях,
Те иглы рельс стальных, что он в песках провел,
По странам золота и драгоценных смол,
Где солнце властвует в просторах слишком синих;

Пред ним покорный круг фонтанов нефтяных,
И шахты темные его богатых копей,
И звон его контор, знакомых всей Европе,
Звон, что пьянит, зовет, живет в умах людских;

Пред ним властители народов, побежденных
Его влиянием: он может их рубеж
Расширить, иль стеснить, иль бросить их в мятеж,
По прихоти своих расчетов потаенных;

Пред ним и та война, что в городах земных
Он, как король, ведет, без выстрелов и дыма,
Зубами мертвых цифр грызя неутомимо
Кровавые узлы загадок роковых.

И, в кресле выцветшем, угрюмый, неизменный,
Порывисто чертя узоры беглых строк,
Своим хотением он подчиняет Рок,—
И белый ужас в рог трубит по всей вселенной!

О золото, что он собирает в разных странах;
И в городах, безумствующих, пьяных,
И в селах, изнывающих в труде,
И в свете солнечном, и в воздухе,—езде!
О, золото крылатое, о золото парящее!
О, золото несytое, жестокое и мстящее!
О, золото лучистое, сквозь темный вихрь горящее!
О, золото живое,
Лукавое, глухое!
О золото, что пораи нужды
Бессонно пьет земля с Востока до Заката!
О, злато древнее, краса земной руды,
О вы, куски надежд и солнца! злато! злато!

Чем он владеет, он не знает.
Быть может, башни превышает
Гора накопленных монет!
Но все холодный, одинокий,
Он, как добычу долгих лет,
С какой бы радостью глубокой
Небес охране вековой
Доверил самый шар земной!

Толпа его клянет, и все ему покорны,
Ему завидуя. Стоит он, как мечта.
Всемирная алчба, сердец пожар упорный,
Сжигает души всех, его ж душа—пуста.
И если он кого обманет, что за дело!
На-завтра тот к нему стучится вновь несмело
Его могущество, как ток нагорных вод,
С собой влечет в водоворот
(Как камни, листья и растенья)
Имущества, богатства, сбереженья
И малые гроши,
Которые в тиши
Копили бедняки в поту изнеможенья.

Так, подавляя все Ньягарами своей
Растущей силы, он, сутулый и угрюмый,
Над грудками счетов весь погруженный в думы,
Решает судьбы царств и участь королей.

МОЯ РАСА.

Я—сын той расы, у которой
Сильны не челюсти, а ум,
Упорный, пламенный и скорый,
Хватающий зубами дум.

Я—сын той расы необорной,
Чьи замыслы в борьбе миров
Торжествовали ряд веков;
Я—сын той расы необорной,
Упорной,
Что, утолив желание свое,
Желает вновь, —еще! еще! еще!

Европы племена и новых двух Америк,
О, раса белая!—тебе мои мечты,
Когда чрез океан на неизвестный берег
Античный факел Красоты,
Проясненный теперь, несешь победно ты!

С руками дерзкими, с упорством жадных дланей,
Весь мир проходишь ты, как Гесперид сады,
С деревьев скорченных свои срывая дани,
Мошь, волю, золото, познание,—их плоды!

Пусть в битвах роковых твоя рука грубела:
Покроет, развернув два пламенных крыла,
Твое бессмертное, возвышенное дело
Твои кровавые и низкие дела!

Что в именах! Пусть их история отметит;
Все узнают легко сынов твоих
По знаку общему, что светит
Над колыбелью их.

С глазами ясными, все—мощь, все—постоянство,
Они обходят мир, для них предела нет,
И каждый слабый луч, скользкий сквозь пространство.
Пройдя сквозь руки их, горит, как мощный свет.

Потребность обновлять есть сущность их природы,
И множат без конца они, с своей земли,
Леса, и лестницы, и всходы, и обходы,
Все выше,—к Истине, сияющей вдали.

Найти, объединить, счесть, взвесить и измерить,
Наука, опыты, открытия,—все им
Дает возможности не безоружно верить,
Но тайны пронизать сознанием своим.

Земля, вода, огонь и воздух, как в тревоге,
Покорны голосам закланий роковых,
Те силы, что во дни былые были—боги,
Очеловечены, теперь—идеи их.

Все установлено, предвидится владыкой;
Случайность древняя побеждена числом;
Деянья в них дрожат, без жеста и без крика,
И с быстрым разумом сливаются в одном.

О, раса дивная! и океан и полюс,
И небо и земля, все, все—в руке твоей.
Владычествуй! Затем, что ты умеешь—волю
Судьбы—преобразить в желание людей!

В ВЕЧЕРНИИ ЧАС.

Пусть тот, кто некогда, в неведомых веках,
Склонив в вечерний час над этой книгой вежды,
Моих забвенных строк встревожит давний прах,
Чтоб наших дней понять желанья и надежды,

О, пусть он ведает, с каким восторгом я,
Сквозь ярость и мятеж, борьбы внимая кличу,
Бросался в бой страстей и в буйство бытия,
Чтоб вынести из мук—Любовь, свою добычу!

Люблю свой острый мозг, огонь своих очей,
Стук сердца своего и кровь своих артерий,
Люблю себя и мир, хочу природе всей
И человечеству отдаться в полной мере!

Жить: это—взяв, отдать с весельем жизнь свою
Со мною равны те, кто миром так же пьяны!
С бессонной жадностью пред жизнью я стою,
Стремлюсь в ее самум, в ее поток багряный!

Паденье и полет, величье и позор,—
Преображает все костер существования.
О, только б кругозор сменив на кругозор,
Всегда готовым быть на новые исканья!

Кто ищет, жаждет кто—сливает трепет свой
Смятуемой толпой, с таинственной вселенной.
Ум жаждет вечности, он дышит широтой,
И надобно любить, чтоб мыслить вдохновенно!

Безмерной Нежностью всеведение полно,
В ней—красота миров, в ней—зигдущая сила,
Причины тайные ей разгадать дано...
О ты, кого мечта в грядущем посетила,

Моих былых стихов тебе открыть ли смысл?
Я жду, что в дни твои пришедший мощный гений
Из неизбежного, из пасти мертвых числ
Исторгнет истину всемирных примирений!

ПРИПИСКА

к стихам „В вечерний час“.

Ты, торжествующая неизбежность,
Царица всей вселенной!

Так! ныне мы реальность,
Что остается сокровенной,
Но раскрывается все ярче сквозь мятежность
Ритмическую всех вещей,
Хотим, в упорности своей,
Схватить,—по мировым законам,
Чтоб Красотой и Жизнью мы могли
Повелевать, властители земли!

(Порт несомненный,
Хотя во мгле тумана,
За краем отдаленным
Неведомого океана!).

Стволы, искрученные бурей,
Вихрь славы, крови вихрь вас гнет!
Боритесь, чтоб в огонь лазури
Взнести вершин свободных плод!

ИЗ КНИГИ „ЧАСЫ ПОПОЛУДНИ“

(1905 г.)

ТОЙ, КТО ЖИВЕТ БЛИЗ МЕНЯ.

Лобзанья мертвые годов минувших
Оставили печать на дорогах чертах;
Поблекло много роз и на твоих щеках
Под строгим ветром лет мелькнувших;

Твои уста и ясные глаза
Не блещут больше молнией летучей,
И над твоим челом не виснет тучей
Твоя густая черная коса;

И руки милые, с задумчивым мерцаньем
На пальцах, никогда уже не льнут ко мне,
Чтоб целовать мой лоб в минутном сне,
Как утро мхи целует с трепетаньем;

И тело юное, то тело, что мечтой
Я украшал с волнением когда-то,
Уже не дышит свежестью и мятой,
И плечи не сравню я с ивой молодой.

Все гибнет, и, увы! все блекнет миг за мигом,
И даже голос твой, как будто, изменен.
Как зрелый мак, твой стройный стан склонен.
И юность поддалась невидимым веригам!

И все ж моя душа, верна, твердит тебе:
Что мне до бега лет, назначенных судьбе!
Я знаю, что ничто, во всей вселенной,
Не изменит восторженной мечты,
И для любви, глубокой, неизменной,
Не значат ничего прикрасы красоты!

ИЗ КНИГИ „МНОГООБРАЗНОЕ СИЯНИЕ“

(1906 г.)

МИР.

Мир состоит из звезд и из людей.

Там в высоте,
Спокон веков, таинственно далеких,
Там в высоте,
В садах небес, роскошных и глубоких,
Там в высоте,
Вкруг солнц бесчисленных и сходных
С огнистым улеем, там в высоте,
В сверкании пространств холодных,
Вращаются, впивая дивный свет
Рои трагических планет.

Неведомо когда,
Как роям пчел, им жизнь дала звезда,
И вот они летят,—пылинки мира,—
Среди цветов и лоз, в садах эфира;
И каждая из них свой вечный круг чертя,
Сверкая в тьме ночной и днем в лучах сокрыта,
Уйдя далеко, вспять бежит своей орбитой
И к солнцу-матери влечется, как дитя!

Там, в белой немоте, есть строй неколебимый
В движеньи яростном тех золотых шаров
Вокруг костра огня, вокруг звезды родимой,—
В круговращении неистовом миров!
Что за чудовищность бесчисленных порождений!
Листва из пламени, кустарник из огней,

Растущий в высь и в высь, живущий в вечной смене,
Смерть принимающий, чтоб вновь пылать ясней!
Огни сплетаются, по многу светят разом,
Как бриллианты без конца
На ожерельи вокруг незримого лица,
И кажется земля чуть видимым алмазом
Скатившимся в веках с небесного венца!

Под цепким холодом, под ветром тяжело влажным,
В ней медленно остыл пыл буйного огня;
Там встали цепи гор, вершины леденя;
Там ровный Океан взвыл голосом протяжным;
Вот дрогнули леса, глухи и высоки,
От схватки яростной зверей, от их соитий;
Вот буря катастроф, стихийный вихрь событий,
Преобразил материки;
Где бились грозные циклоны,
Мысы подставили свои зубцы и склоны;
Чудовищ диких род исчез; за веком век,
Слабел розмах борьбы,—ударов и падений,—
И после тысяч лет безумия и тени
Явился, в зеркале вселенной, человек!

Явился господином,
Меж всех земных существ—единым,
Стоявшим прямо, к небу подымавшим очи.
Земля, ее и дни и ночи,
Пред ним распростирала круг
С Востока к Западу и с Полночи на Юг,
И первые полеты первых мыслей
Из глуби человеческой души
Державной,
Взнесясь в таинственной тиши,
Незримыми гирляндами повисли!

Мысли!

Их яростный порыв, их пламень своенравный
Их ярость алая, аккорд багряный их!
Как там, на высоте, меж облаков седых,
Горели звезды, так они внизу сверкали;
Как новые огни, неслись к безвестной дали,
Всходя на выси гор, на зыбях рек горя,
Бросая новое, всемирное убранство
На все моря
И все пространства!

Но, чтоб установить и здесь согласный строй,
В их золотом и буйственном смятении,

Как там, на высоте, да, как и там вдали,
Священной чередой,
Как солнц небесных повторенье,
Возникли гении меж расами земли!

С сердцами из огня, с устами, как из меда,
Они вскрывали суть, глася в среде народа,
И все случайные полеты разных дум,
Как улей, собирал их озаренный ум.
И тяготели к ним приливы и отливы
Исканий пламенных, разгадок горделивых;
И тень прислушалась, впивая их слова;
Дрожь новая прошла по жилам вещества:
Утесы, воды, лес почувствовали нежно,
Как веет ветер с гор иль ветерок прибрежный;
Прибой возжаждал пляск, листок обрел полет,
И скалы дрогнули под поцелуем вод.
Все изменилось до глубины заветной,
Добро, зло, истина, любовь и красота;
Живыми нитями единая мечта
Соединила все в покров души всесветной,
И мир, откуда встал невидимый магнит,
Признал закон миров, что в небесах царит.

Мир состоит из звезд и из людей.

ВО СЛАВУ ВЕТРА.

— Ты, убегающий вперед
По всем путям земли огромной,
Ты, непреклонный, ты, бездомный,
Куда твой дух тебя влечет?

— Люблю я воздух, ветер, пространство,
Иду, куда—не знаю сам;
Как ветер свистящий по лесам,
Несет меня непостоянство.

Под солнцем ветер раскален,
Но в комнате прохладен он;
Смотри: перстами рук багряных,
Лаская целый небосклон,
Он травы клонит на полянах.

— Юг, Север, Запад и Восток,
Как мяч, руками огневыми
Иль кулаками ледяными
Бросают вдаль воздушный ток.

— Он был в Неаполе, а после был в Мессине
Он жестом божества зажег верхи валов;
Изрезав положил псеки в немой пустыне
Узором белым вкруг зеленых островов;
Истомен вздох его, дыханье слабо; с видом
Смущенным перед ним трава дрожит чуть-чуть;
А он меж тем, летя, коснулся к пирамидам
И Сфинксу древнему бросал песок на грудь.

— Но дни меняются, и ветер летит поляной,
В одежде из дождя, в лохмотьях из тумана.

— Вон он приходит к нам из стран безвестной мглы,
С Британских островов, с холодных скал Джерсея,
Где тонут в небесах созвездия, бледнея,
Где белым инеем сверкают гор углы.
То—ветр без радости и без лучей; он стонет,
По океану он блуждает, как слепой;
Но лишь коснется он скалы иль камень тронет,
Подъемлет бездна грозный вой.

— Когда Весна поля к воскресшей воле будит,
Зеленую траву ветер беспощадно студит.

— Вот он приходит к нам оттуда, где в Москву
Глядятся древний Кремль и золотые главы,
Бросая в небеса багряный отблеск славы:
Где ветер, озлобленный и дикий, на яву
Вонзает зубы в степь; летит с полей Украины
В Германию и рвет кустарники, крича
Медяным голосом, чтоб после, словно тайны,
Легенды повторять,—где льется Рейн, журча...

— Ветр, тот же ветер, зимой, в сияющие ночи,
И даль и небеса белит и жгуче точит.

— Он с полюса пришел, где к леднику ледник
Дворцы молчания возвел на белом снеге;
Спокойный, дерзостный, упорствуя в разбеге,
Как острие копья, он заостряет пик;
Овеяв хмурый Зунд, коснулся он Урала,
Во фьордах пробежал, к Исландии проплыл,
И над безбрежностью седых морей, устало,
Он перья снежные отряхивает с крыл.

— Откуда б ветер не пришел,
Он, возвращаясь из блужданий
По степи, лесу иль поляне,
Весь—блеск, здоровье, пронзвол.
Он землю целовал губами золотыми
Везде,
Над радостями был людскими
И был с людьми в беде.

Надежды, гордость, страст, все, что бессмертно в мире,
Что жажда вечная во глуби душ зажгла,
Все раздували в нас—его четыре
Крыла!

В нем словно сердце есть, великое, святое,
Что бьется, плачет, буйствует, дрожит,
Он отдает его, и в холоде и в зное,
И там, где счастье ждет, и там, где скорбь грозит.

— О, ветер! тебя люблю, дивлюсь тебе, с волненьем
Тебя пою,

И твой текущий хмель, живучий, с умилением
До дна я пью.

Он существо мое величит, он, который
Пред тем, как проскользнуть сквозь легкия и поры
В меня и пламенем взыграть в моей крови,—

То грубо-сильно, то глубоко-нежно,
Безбрежно,

Мир обнимал объятием любви.

Е В Р О П А.

(Отрывок).

На тучках золотых еще горит сиянье
Закатного огня; за молотом, в тишине,
Морских громад покой и легких мачт качанье;
И тени пурпурны, сгущаясь на стене,
Над дверью, где орлы Империи заснули;
С фронтонов свесились полотнища знамен,
Гудит колоколов с высоких башен звон,
И слава слышится в глухом, растущем гуле...

И в этот строгий час, меж ночью и меж днем,
Глядя, как в полумгле раздалось море шире,
Невольно думаешь, что совершилось в мире,
С тех пор, как властвует Европы воля в нем!
Сменялся веком век, и много бед грозило:
То мор казнил людей, то их гнала война;
Но через все, всегда, единому учила
Европа старая родные племена:
Знамена силы и своих желаний
Лишь в замкнутом саду реальностей вонзать!
Предвиденье, порядок, метод, грани;
Уменье верный путь в тумане угадать;
Движенья ясные, ведущие упорно
К назначенной мете; в кипении работ
Расчет обдуманый, бесспорный;
Отвага, осторожность, медленность, полет;
Благоразумье и безумье разом, —
О, многосложный, беспредельный пыл,
Залог твоих побед и неустанных сил;
Его сберег твой светлый разум
И в сердце холод лет не остудил!

.....

С течением времен не ты ль преобразила
Колумба Новый Свет и Южный материк?
И ныне, как в былом, лирическая сила
Живет в руке твоей, и твой порыв велик!
Тебя, как прежде, вдаль влекут озера Конго,
Оазы Африки, побережье Гонконга,
И алых тропиков, весь золотой, цветник.
Где чтились идолов свирепые личины, —
Нежданность новых слов туда приносишь ты;
Там озаряешь ты угрюмых душ глубины
Крылатым помыслом и жаждой высоты.
И где над узким лбом рабов, как гнет, лежали
Жестокость, суеверье, страх, —
Рукой уверенной ты раскрываешь дали
Той Справедливости, что снится нам в веках

ИЗ КНИГИ „ВСЯ ФЛАНДРИЯ. ГЕРОИ“

(1908 г.)

ЭСКО (ШЕЛЬДА).

Тот полноводный ток, то ал, то бел, несет
В руках из мощных волн шар солнца или лед;
Тот,—в темных берегах, сад некий образует,
Где спорят свет и мрак, где лунный свет кол-
дует;

Тот—режет без конца пустынные пески,
Чтоб в море броситься с лобзанием тоски;
Тот,—чи сверкания проходят сквозь туманы,
Внезапным светом осиянный,
Валгаллой кажется из золота и стекла,
Где гномы стерегут богатства без числа;
Тот,—словно славы плащ, простерт в Турени
старой...

Их имена? Урал, Нил, Одер, Рейн, Луара.
Дела богов, слова героев, путь царей, —
Вы освятили их всей пышностью своей,
И вашей гордостью их побережья славны;
Там взносит к облакам свой шпиль дворец
державный;

Там все воинственно: жестокие венцы
Отражены в воде,—высоких стен зубцы,
Подобных савану; там башни, цитадели...
Но есть еще одна река:
Хотя кровавые века
Над ней, как над другими, тяготели,
Она иным горда,
Вобрав в могучие извивы,
О Фландрия! твои большие города,
Тот край, где собран твой народ трудолюбивый.

То мирно-нежная, то возбуждая страх,
 Эско! ты бледный вал в зеленых берегах,
 Дорога солнца ты и ветра, цирк суровый,
 Где вихрей жеребцы встать на дыбы готовы,
 Где белая зима спит на недвижных льдах,
 Где лето золотом сверкает в зеркалах,
 Что нервною рукой ты разбиваешь вечно!

Как я тебя любил в дни юности беспечной!
 Особенно, когда так запрещали мне
 С веслом иль парусом носиться по волне
 Иль между барк бродить, недвижных и бес-
 гласных!

О, сколько помыслов прекрасных
 Тогда сжигало детский ум, —
 Не ты ль внушала мне восторги этих дум?
 Глубокий горизонт, простор вольнолюбивый,
 И время, и его часов размерный ход
 (Твои приливы и отливы), —
 Все это я познал в величьи строгих вод.
 Мой взор мог собирать в роскошные букеты
 Особо-розовые свету
 На пышности твоих полей;
 Был рыжий твой туман, твои глухие тени
 Убежищем моих мучений;
 Тех, к славе будущей готовивших, скорбей!
 Ты телу мощь дала, душе дала горенье,
 Движенья волн твоих — размер моим стихам;
 Твои огни, валы, и ветры, и теченья
 Прошли насквозь меня, по жилам и костям.
 Я закален тобой, как сталь могучим горном;
 Я это — ты, назвав тебя,
 Дрожу, в волненьи страстном, я,
 И грудь моя полна рыданьем непритворным.

Эско! Эско!
 Прекрасная и дикая Эско!
 Ты юности моей неистовой пожары
 Смирила властной чарой,
 И в день,
 Когда и надо мной наляжет смерти тень,
 В твоей земле, на этих берегах,
 Уснет мой прах,
 Чтоб все же чувствовать — тебя, и в смертных
 снах!

Сурово-ясную твою я знаю славу.
 Во дни, когда
 Волчица римская свои клыки, по праву,
 Вонзала в мир, надменна и горда, —

Она, придя к тебе в поляны,
Нашла лишь дождь да снег, лишь ветер да
туманы;

Здесь вольный, искренний народ
Ее, на лодках стоя, встретил,
И знаком доблести отметил,
В ее бедре оставив гибкий дрот.
Но долго был твой рок скрыт в некой дымке
серой:

Гент, Брюгге, Ипр царили до Анвера,
Но вот твой город встал, и моряков твоих
Он славу разгласил до крайних стран земных!

О, мощная река! на набережных стройных —
Банкирские дома, дворцов торговых ряд,
И флаги всех земель, повторены, дрожат,
С гербами пышными, в твоих зыбях спокойных.

Какой чудесный бой твои колокола
Там, в воздухе, ведут с высокой колокольни!
Своей Марии песнь поют над жизнью доль-
ней, —
Стройна, как мачта, песнь; и, как свеча, светла!

Наполнены пшеном и золотистым хлебом, —
Как закрома богатств, тяжелые суда;
Из устья твоего, под солнцем и под небом,
Они плывут кормить чужие города.

Твой нежно-синий лен, зеленый конопляник,
Превращены в твоих селеньях в паруса;
И льнет, на всех морях, к ним ветер, верный
данник,
На всех морях им нипочем гроза!

Ты учишь мужеству; твои сыны, быть может,
Неспешны, но сильны, угрюмы, но верны;
Матрос иль земледел, но каждый — сын волны,
И затруднение в них только силы множит.

Растет, растет твой Труд! он золото в чану
Гигантском месит, где оно вседневно бродит;
Венеция сдалась, и целый мир возводит
Глаза к твоим весам, взнесенным в вышину!

Эско! Эско!
Ты светлый жест,
Что родиной моей свершен
В великом споре,

Чтоб к бесконечности пробиться через море!
Со всех сторон,
Из дальних и из ближних мест,
Все реки Фландрии и все ее каналы
Бегут к тебе, как к сердцу кровь течет.
Тобою силен твой настойчивый народ,
Упорный, яростный, во веки не усталый,
Что на пиру мирском быть жаждет в свой
 черед!

Твой тихий, мощный ход, твой берег, в злак
одетый, —
Его упорности живучий образ! Ты —
В безмолвных заводях его таишь мечты,
Его печали, замыслы, обеты!
В твоих чертах — свои мы узнаем черты!
В днях грозных, в ярких днях, в днях беспре-
дельных теней,
В Эско зимой, в Эско весной, в Эско осенней,
Все изменения свои мы признаем;
В дни бедствий нас крепишь, хранишь нас в
дни победы;
Мы веруем, как веровали деды,
Что должно лишь тебя любить,
Чтоб, каждый раз несчастье побеждая,
Страна разбитая, стнящая, больная
Могла опять восстать, с желаньем жить и жить!

ИЗ КНИГИ „ВЛАСТИТЕЛЬНЫЕ РИТМЫ“

(1910 г.)

ЗОЛОТО.

Во мне живете вы, леса, потоки, горы,
И вы, о, также вы, громады городов,
В которых слышу я растущий вопль, который
Победно катится сквозь длинный ряд веков!

Безумны ваши сны, но ваши жесты четки;
Вы силу добыли из силы многих рас;
Вы миготы тысячи в единый миг короткий
Способны пережить, и ритм столетий—в вас!

О мертвецы, давно почившие в могилах!
Как вы должны дрожать в смущении, когда
Несутся мимо сел и кладбищ унылых,
Тревожа ваш покой, по рельсам поезда!

Вы век свой провели в глуши своих селений,
Не зная ничего вне ваших малых дел,—
И целый новый мир волнений и хотений
Врывается, гремя, в ваш дремлющий предел:
То мчится мимо вас, бросая вкруг зарницы,
Жизнь современная к столице от столицы!

И наши города, на берегах морей
Иль на равнинах, ждут—тех поездов. Сигналы
Сияют на путях, и радостно вокзалы
Встречают дальний блеск пылающих очей!

Смыкаясь днем, раскрыты ночью шире,
Вокзалы, в грохоте, свершают тяжкий труд,
И, торопясь, всю нашу жизнь влекут
На вечную борьбу, к победам новым в мире.

Вот набережной мир. Вот запыленный док,
Где молоты, компасы и лекалы,
Где плечи ворота, рычаг и мощный блок,
По знаку мастера, передвигают скалы.
Вот тачек малых скрип по старой мостовой.
Вот у ворот в грязи отгиснуты копыта.
Вот смелого моста пролет над головой.
Вот оборот цепей, грохочущих сердито.
Вот бронза темных тел малайцев, говор их
Гортанный, песен крик, и диких, и веселых,
Их труд, мельканье их, проворных и нагих,
Вкруг легких крейсеров и вокруг габар тяжелых.

Вот башни звучные, где слышен шум воды;
Вот цепь пакгаузов, направо и налево;
Вот элеваторов суровые ряды,
Сопя, вбирающих зерно в пустое чрево.
Вот баков нефтяных громады в стороне,
Заблиндированы, спокойны и угрюмы;
Вот стимеров семья, где сложен груз на дне,
Где груды ящиков едва вмещают трюмы.
Меж мачт колеблемых так густ всходящий дым,
Что солнца яркий диск на небесах незрим.
И кажется порой, что под землею, где-то,
Сокрыт упор великий мощи этой.

Но, лампы тихие бесчисленных контор,
Прикрытые зеленым абажуром, —
Не вы ли светите, обняв земной простор,
С Капштадта до Антилл, над Темзой и Амуром!
О, перья острые, скрипящие в руках
Неведомых писцов, — вы пламенны и яры!
В вас гибель и восторг, надежды в вас и
страх, —

Литеен буйный жар и молотов удары!
О, цифры мертвые в гроссбухах, — ваш итог
Подводит счет размахам кирок в mine,
Стенаньям пил в лесу, шагам бессчетных ног
Верблюдов и людей, несущих груз в пустыне!
О, книги толстые, в которых мало слов!
Ваш запах тягостный — то крепкий запах пота
Из доков Африки, с индейских берегов,
Со всех концов земли, где лишь идет работа!

И в центре города, на площади большой,
Стеклянным куполом вознесшийся надменно,

Ты властвуешь, о банк,—душа вселенной!—
От полюса до полюса земель!
С холодной гордостью, с сознанием твердой
власти,

На океан людской взирая, знаешь ты,
Что с ритмом роковым твоим—слились мечты
Заветные людей, их радости, их страсти!
И все вливается в узор спокойных строк,
Украшенных столбцами цифр и знаков,—
Таланты, низость, труд, и пылкость, и порок,—
Все поглощаешь ты, всем жребий одинаков!
Перегорает все на пламени твоём.
Когда тут различать, где правый, где неправый!
Все, все поглощено теченьем жгучей лавы, —
В потоке золотом!

О золото! о дождь, струящий неуклонно
Свои дары на мир! Данаи яркий сон!
Огнем и звездами горящий небосклон,
Сходящий вечером к земле изнеможенной!
О, буря золота,—восторг в твоих огнях!
Ты—Власть, о золото! о золото, ты—Слово!
Ты—сок, избегающий до маковки, и снова
Срежущийся к корням, во всех земных лесах!
О золото! ты—связь народов! На мгновенье,
Нарушив их союз, ты их бросаешь в бой, —
Но ты, в конце концов, залог их единенья,
Затем, что на тебе основан жизни строй!

ИЗ КНИГИ „ЗЫБЛЕМЫЕ НИВЫ“

(1912 г.)

ДЕВУШКИ.

Идите, приходите,
Сходитесь, расходитесь,
Скрывайтесь, возвращайтесь,
Бегите, не щадите ног;
Там, в поле—тысячи дорог!

Идите, приходите,
Все дни, все дни недели
За делом и без цели;
Скрывайтесь, возвращайтесь, —
Но в воскресенье,
Цветной корсаж надев и украшенья,
Все собирайтесь,
Все девушки соседних деревень,
На перекресток, где трех старых грабин тень

Там, в нетерпении,
Красавцы-парни ждут своих подруг,
Ведите их на свежий луг,
Танцуйте с ними
Длинные кадрили.

Уходите, возвращайтесь,
В танце есть водовороты,
Изумленья, убеганья и притворства,
Но, танцуя, выявляя статность, ловкость и при-
творство,
Прижимайтесь,

Без заботы,
Сердце к сердцу, к груди грудь!
И, в объятьи—как-нибудь,
Догадайтесь,
Уходя вдвоем на свежий луг,
Кто ваш будущий супруг!

Все это будет, а пока
Идите, проходите,
Неся на ферму ведра молока.
Уже—вечерний час и, позлащенным, стадо
Идет с мычаньем по следам быка,
В знакомый хлев, где мир и где прохлада...

День кончился... В мечтах прекрасных спите!

Их каждый шаг был кровью обозначен,
И падал за снарядами снаряд
Вокруг, что град;
Но полночью, когда, таинственен и мрачен,
На дымных небесах являлся цеппелин,
Об отступлении не думал ни один,
Бросались дружно все, в одном порыве яром,
Вперед,
Чтоб тут же под безжалостным ударом,
Склониться долу в свой черед...

Когда велись атаки на окопы,
Борцы бесстрашные, тот авангард Европы,
Сомкнув свои ряды, как плотную мишень
Для быстрых, ровных молний пулемета,
Стояли твердо целый день,
И снова падали без счета,
И над телами их смыкалась мирно тень...

Лонсэн, Бонсель, Баршон и Шофонтен
Стонали в отзвуках от небывалых боев;
Века лежали на плечах героев,
Но не было, для павших, смен!
В траншеях под открытым небом,
Они вдыхали едкий дым;
Когда же, с пивом или хлебом,
Туда являлись дети к ним,
Они, с веселостью, солдатской, неизменной,
Рассказывали, вспомнив бой,
О подвигах, свершенных с простотой,—
Но в душах пламя тлело сокровенно,
Был каждый—гнев, гроза, вражда:
И не бывало никогда
Полков столь яростных и стойких—во вселенной!

Весь город словно опьянел,
Привыкли видеть смерть во взорах;
Был воздух полон славных дел,
И их вдыхали там, как порох;
Светились каждые глаза
Величием нового сознания,
И возвышали чудеса
Там каждое существование,
Все чем-то сверхземным и дивным осеня...

Вы, люди завтрашнего дня!
Быть может, все сметет вдоль наших побережий
Клятвопреступная смертельная война!
Но не забудет ввек под солнцем ни одна
Душа—о тех, кто чашу пил до дна
Там, в Льеже!

ГЕНЕРАЛ ЛЕМАН.

То было в дни начальные войны.
Истошены
Казались отзвуки великим криком
Германских орд; в весельи диком
Провидели они из дымной мглы,
Как черные орлы
Покроют целый мир в своем полете шумном;
И император, горд собой,
Являлся, проходил торжественной стопой,
Во сне безумном.

Своей судьбе сдавался Льеж.
Врезалась в купола, в железные твердыни,
Изломами огромных линий,
За брешью брешь;
Лежали камни стен, как прах лежит в пустыне

Но, не сражен, еще хранил Лонсэ
Устои стен,
В летуче-алой ярости сражений,
Бельгийцы ведали тогда,
Кем сдержана германская орда!
Чья воля более тверда,
Чем все оплоты укреплений!
Леман!
Тебя для Кайзера еще скрывал туман:
Какие молнии,—не ведал он в начале,—
На золотом огне твою судьбу ковали,
Чтоб пламенем души свой долг отметил ты!

В течение двух лет, с утра до темноты,
Предвидя всю войну, свистящие над Льежем
Снаряды тяжкие,—с упорством вечно-свежим,
Работал ты в кругу родных своих солдат,
Ведя к единому попыток длинный ряд:

К защите города, спокойной, самовольной!
Ты с предрассудками и с завистью подпольной,
Сдавлив их в кулаках, управиться сумел;
О завтра думая, день прошлый молодец;
Приказы новые рождали взрыв усилий,
А зубы косности, что грызть, не находили.
Во всем преображен твоим живым трудом,
Льез грудью встретился с озлобленным врагом
И восемь долгих дней был чудом для вселенной.

Как бело-пенный
За валом вал встает, влача морской простор,—
На крепость шли враги,—неистовый напор;
Их шаг был тяжек, дик был взор.
Лежала ночь. Во тьме стирались мутно краски;
Порой сверкали мимолетно каски,
Порой хрипел незримый цеппелин,
И злоба полнила все души до глубин.

Германцы? Кто б их мог исчислить?
Угрюмы, сомкнуты и злы,
Они, за рядом ряд, взбирались на валы,
И падали средь мглы,
Упрямы и не смея мыслить.
И шла из мглы опять
Другая рать.

Так длились ночи, дни и снова ночи,
Пока гряда окопов и валов
Не рухнула под тяжестью штыков,
Под силой лившихся, что день—тесней, жесточе,
Врагов!
Бонсэль, Эмбур, Флерон, Баршон, все—пали.
И как обвал, грохочущий в горах,
Безмерные осколки стали
Снесли бетон твердынь и разметали в прах.

В середине августа настал черед Лонсэна.
Набиты порохом, взорвались погреба;
Гром дали всколебал, как грозная труба,
И черным облаком задернулась арена,
Где свой вершила труд всемирная судьба.

Бежали тысячи по тропкам и дороге,
И жаловались все в мучительной тревоге:
„Леман! Быть может он, вот в этот самый час,
Крушением раздавлен,
Лежит, разбит и окровавлен,
Со смертью в глубине своих холодных глаз!“

Был найден без движений
Леман во мгле,
Среди руин простертый на земле.
И Мужество, и Честь, и Гордость,—эти Тени
Вокруг него стояли в тишине.
Дрожали взоры звезд в далекой вышине,
Взволнованных судьбой героя древней саги.
А он сжимал эфес своей могучей шпаги
Так властно, что когда, найдя его в пыли,
Враги к герою подошли,
И он взглянул на них, едва успев очнуться,—
Никто, и преклонясь, не смел его коснуться.

И он ушел,
В изгнание мрачное, чрез опустелый дол,
С великой простотой, не вымолвив ни слова.
Лишь после известил сурово
Герои Спарты: „Государь!
Во дни осады,
Смерть обошла меня, не дав награды
Лежать с другими в тишине.
Им выпал славный жребий, мне-же
Не довелось погибнуть в Леже.
Я—жив. Мой Государь! простите это мне!“

ИЗ КНИГИ „ВЫСОКОЕ ПЛАМЯ“

(1917 г.)

К ВЕЧЕРНЕМУ ПУТНИКУ.

Скажите мне, чей шаг
Из тысячи шагов, идущих, проходящих
По всем путям, в полях и в чашах,—
Скажите мне, чей шаг
Вдруг остановится, в час сумерек сквозящих,
В моих дверях?

Я знаю, эти двери скромны,
И беден мой убогий дом,
Но их заметит пешеход бездомный.

Не входит ли ко мне весь мир, тот, что кругом,
Едва свое окно я широко раскрою,
Лучами, сумраком, и ветром, и теплом,
Чтоб жить в моей мечте, делить восторг со мною!

Пусть умерла во мне та вера, что вела
В амфитеатр—святых и мучеников Рима:
Я в солнце верую, моя святыня—мгла,
И ветер в жилы мне вливает мощь незримо!

Скажите мне, чей шаг
Из тысячи шагов, идущих, проходящих
По всем путям, в полях и в чашах,
Скажите мне, чей шаг
Вдруг остановится, в час сумерек сквозящих,
В моих дверях?

Сожму я руки дружески руками
Того, кто так придет,
Откуда-то, бездомный пешеход,
И пред тенями, под огнями,
Звездящими высокий небосвод,
Молчать мы будем от волненья,
Молчанью веря наугад,
Чтоб успокоить двух сердец биенье,
У нас в груди стучащих в лад.

Кто будет он, не все равно ли,—
Он любит ли всю жизнь, как я,
И грудь его упором воли
Таким ли дышит, как моя!

Как будет радостно обоим нам, в те миги,
По-братски встретиться и пламенно мечтать,
И ждать, что мы найдем, как в нераскрытой книге,
В другом,—доверчиво и с гордой верой ждать!

Друг другу нашу жизнь, всю жизнь, мы перескажем,
Стремясь быть искренни, до глуби, до конца,—
Ошибки, горечи, тоску—в одно мы свяжем,
Стирая между слов слезинки след с лица.

О, радость полная! о, острая отрада!
Делиться силами, и мужеством, и всем!
И взором уходить во глубь себя, затем,
Что грузы нежности извлечь оттуда надо!

Двойной восторг в одно сольется так без-крайно
(Двух, вдруг изведавших все счастье быть собой),
Что оба взнесены мы будем в планы тайны,
Где властвует Любовь над мировой судьбой.

И вот—
Перед окном вдвоем мы,
Я и бездомный пешеход;
И мы глядим в ночные водоемы,
На звездный небосвод,
Познав друг друга, в полноте слиянья,
И с нами говорит весь мир в своем молчаньи
Да! вся вселенная нам исповедь свою
Приносит—звездами, лесами и холмами,
И ветром, что летит по зрелому жнивью,
Играя по пути то пылью, то цветами.

Мы слышим, как журчит в траве не видный ключ,
Как ветки серых ив поют над черным прудом;
Нам внятен этот гимн: каким-то новым чудом
Он полнит наш восторг, задумчив и певуч.

И нам так хорошо—все чувствовать согласно,
Гореть на пламени единого огня,
И будущее в нас дрожит светло и страстно:
В нас брежит человек из завтрашнего дня!

Скажите ж мне, чей шаг
Из тысячи шагов, идущих, проходящих
По всем путям, в полях и в чашах,
Скажите мне, чей шаг
Вдруг остановится, в час сумерек сквозящих,
В моих дверях!

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Значительная часть переводов, включенных в этот сборник, сделана по первоначальному тексту поэм, в который Верхарном, в позднейших изданиях, были внесены различные изменения, преимущественно—сокращения (напр., поэмы „Восстание“, „Города и поле“ и др.). Я не считал необходимым соответственно изменять свои переводы, так как выпущенные места и ранние редакции представляют высокий художественный интерес, заставляя порой жалеть о сделанных автором переделках. Во всяком случае, первоначальный текст остается историческим фактом: так писал и так думал Верхарн в определенный период своего творчества.

Напротив, в других отношениях многие переводы для данного издания существенно переработаны, главным образом, с целью приблизить их к оригиналу. Однако, исправлять художественные стихотворные переводы возможно лишь до известного предела: в них трудно изменять частности, не разрушая всего их строя. В тех случаях, где были необходимы значительные поправки, мне пришлось дать как бы совсем новый перевод (напр., поэм „Женщина на перекрестке“, „К северу“). В других я должен был ограничиться исправлением отдельных стихов, если находил, что общий смысл и дух подлинника передан верно, хотя бы теперь и не был вполне удовлетворен переводом, с точки зрения точной передачи всех оттенков мысли и всех особенностей формы (напр., в поэмах „Кузнец“, „К морю“). Тем не менее число исправлений, внесенных в это издание, весьма значительно, и местами добавлен перевод мест, ранее мною пропущенных (напр., конец поэмы „Мор“).

Сравнительно с прежними изданиями моих переводов Верхарна (первое — 1906 г., второе — 1915 г., третье — 1917 г.), в это, четвертое, издание включен: 22 перевода поэм, ранее мной не переведенных, 3 перевода, заменяющих прежние, и 2 больших отрывка, существенно дополняющих прежние. В общем, в сборнике помещен перевод 60 поэм Э. Верхарна.

Валерий Брюсов

БИБЛИОГРАФИЯ Э. ВЕРХАРНА

Чтобы читателю было удобнее следить за эволюцией Верхарна, как поэта, мы даем здесь библиографический список его книг, сгруппировав их по этапам творчества. В перечень включены только отдельные издания: произведения, появлявшиеся в журналах и выпущенные в форме „оттисков“, во внимание не приняты, так же как и несколько „тетрадей“, изданных (в Париже, Лондоне, Токио) преимущественно ради иллюстраций к тексту. Рядом с названием книг, приведенном по-русски и по-французски, указаны переиздания.

1. СТИХИ

1. Первый период творчества (до 1886 г.).

Фламандки. (Les Flamandes). Бр. 1883.

Перепечатано в собрании *Стихи* (Poèmes), т. I, П. 1895.

Монахи. (Les Moines). Бр. 188.

Перепеч. в собр. *Стихи* (Poèmes), т. I.

Края дороги. (Les Bords de la route). Стихи 1882—1894 г.

Перепеч. в собр. *Стихи* (Poèmes), т. I.

2. Период духовного кризиса (1888—1891 г.).

Вечера. (Les Soirs). Бр. 1888.

Перепеч. в собр. *Стихи* (Poèmes), т. II, П. 1896 и в собр. *Сочинений* (Oeuvres), т. I, П. 1912.

Разгромы. (Les Débauches). Бр. 1888.

Перепеч. в собр. *Стихи* (Poèmes), т. II, и в собр. *Сочинений* (Oeuvres), т. I.

Черные Факелы. (Les Flambeaux noirs). Бр. 1891.

Перепеч. в собр. *Стихи* (Poèmes), т. II, и в собр. *Сочинений* (Oeuvres), т. I.

3. Период духовного возрождения (1891—1897 г.).

Представшие мне по пути. (Les apparus dans mes chemins). Бр. 1891.

Перепеч. в собр. *Стихи* (Poèmes), т. III, П. 1908, и в собр. *Сочинений* (Oeuvres), т. I.

Призрачные деревни. (Les Villages illusoires). Бр. 1895.

Перепеч. в собр. *Стихи* (Poèmes), т. III, и в собр. *Сочинений* (Oeuvres), т. I.

Лозы моей стены. (Les Vignes de ma muraille). Стихи 1892—1897 г.

Перепеч. в собр. *Стихи* (Poèmes), т. III, и в собр. *Сочинений* (Oeuvres), т. I.

4. Трилогия о городе и деревне. (Период увлечения социальными проблемами 1894—1898 г.).

Обезумевшие селения. (Les Campagnes hallucinées). Бр. 1894.

Перепеч. в изд. П. 1904, и в собр. *Сочинений* (Oeuvres), т. II, П. 1913.

Города со щупальцами. (Les Villes tentaculaires). Бр. 1896.

Перепеч. в изд. П. 1904, и в собрании *Сочинений* (Oeuvres), т. II.

Зори. (Les Aubes). Бр. 1898. Драма, см. ниже № 30.

5. Разработка в поэмах мировых проблем (с 1899 г.).

Лики Жизни. (Les Visages de la Vie). Бр. 1896.

Перепеч. в изд. 1908 г., и в собрании *Сочинений* (Oeuvres), т. II.

Мятежные Силы. (Les Forces tumultueuses). П. 1903.

Многообразное Сияние. (La Multiple Splendeur). П. 1906.

Властительные Ритмы. (Les Rythmes Souverains). П. 1910.

6. Книги, посвященные Фландрии (с 1900 г.).

Маленькие легенды. (Les Petites Légendes). Бр. 1900.

Зыблемые Нивы. (Les Blés mouvants). П. 1912.

Перепеч. с дополнениями „Народных песенок“ в изд. 1913.

Серия книг: „Вся Фландрия“. (Toute la Flandre).

I. Первые нежности. (Les Tendresses premières). Бр. 1904.

II. Гирлянда дюн. (La Guirlande des dunes). Бр. 1904.

III. Герои. (Les Héros). Бр. 1908.

IV. Города с коньками. (Les Villes à pignons). Бр. 1910.

V. Равнины. (Les Plaines). Бр. 1911.

Легендарные поэмы Фландрии и Брабанта. (Poèmes légendaires de Flandre et de Brabant). П. 1916.

7. Сборники чисто-лирических стихов и др.

Светлые часы. (Les Heures claires). Бр. 1896.

Перепеч. в изд. П. 1900.

Часы по полудни. (Les Heures d'après-midi). Бр. 1905.

Перепеч. в изд. П. 1909.

Вечерние часы. (Les Heures du Soir). Бр. 1916.

Календарь. (Almanach). Бр. 1895.

Перепеч. вместе с книгой **Лики Жизни**, П. 1908, и в собр. *Сочинений* (Oeuvres), т. II.

Японские образы. (Les images japonaises), П. и Токио 1900.

Маленькие старики. (Les petits vieux). Лондон 1901.

9. Сборники последних лет.

Алые крылья войны. (Les Ailes rouges de la Guerre). П. 1916.

Высокое пламя. (Les Flammes Hautes). П. 1917. (Посмертное издание).

II. ДРАМЫ

Зори. (Les Aubes). Бр. 1898.

Монастырь. (Le Cloître). Бр. 1900.

Перепеч. в книге: *Две драмы* (Deux drames), П. 1909.

Филипп II. (Philippe II). Бр. 1901.

Перепеч. в книге: *Две драмы*. (Deux drames).

Елена Спартанская. (Hélène de Sparte). П. 1912.

III. ПРОЗА

Полночные сказки. (Les contes de minuit). Бр. 1885.

Жозеф Гейманс (Joseph Heymans). Бр. 1885.

Фернан Кнопф. (Fernand Knopff). Бр. 1887.

Рембрандт. (Rembrandt van Ryn). П. 1905.

Джемс Энсор. (James Ensor). Бр. 1908.

Рубенс. (Rubens). Бр. 1910.

Окровавленная Бельгия. (La Belgique sanglante). П. 1915.

Среди пеплов. (Parmi les Cendres). П. 1916.

Убитые города Бельгии. (Villes meurtries de Belgique). Бр. 1916.

Лучшая антология поэм Э. Верхарна — издание: Emile Verhaeren.

Choix de Poèmes. Mercure de France. П. 1916.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Предисловие Валерия Брюсова	7
Из книги „Фламандки“ (1883 г.).	
Фламандское искусство I—II	11
Бездельники	14
Скотный двор	16
Свиньи	17
Из книги „Монахи“ (1885 г.).	
Монах-ересиарх	18
Монах эпический	20
Послушник	22
Из книги „Вечера“ (1887 г.).	
Человечество	23
Лондон	24
Герб вечера	25
Мучительство	26
Роковой цветок	27
Из книги „Разгромы“ (1888 г.).	
Голова	28
Молитвенно	29
Из книги „Черные Факелы“ (1890 г.).	
Отплытие	30
Мятеж	31
Вечер I	32
Вечер II	33
Женщина на перекрестке	34

	Стр.
Скала	37
Забывтая любовь	39
Вечер III	41
Смерть	42
Числа	44

Из книги „Края дороги“ (1887—1894 г.).

Часы	46
Не знаю где	47
К чему-то	48
Венера пламенная	50
Вечер	51
Как каждый вечер	52
Дурной час	53

Из книги „Представшие мне по пути“ (1891 г.)

Вестник ничтожества	54
В даль	57

Из книги „Призрачные деревни“ (1894 г.).

Ветер	59
Дождь	61
Кузнец	63

Из книги „Обезумевшие селения“ (1895 г.).

Город	66
Мор	69

Из книги „Города со щупальцами“ (1896 г.).

Восстание	73
Города и поле	77

Из книги „Календарь“ (1894 г.).

Февраль	79
Декабрь	80

Из книги „Лозы моей стены“ (1897 г.).

К северу	81
--------------------	----

Из книги „Лики жизни“ (1899 г.).

К морю	83
------------------	----

Из книги „Мятежные силы“ (1903 г.).

Трибун	86
Банкир	88

	Стр.
Моя раса	90
В вечерний час	92
Приписка	93
Из книги „Часы по полудни“ (1905 г.).	
Той, кто живет близ меня	94
Из книги „Многообразное сияние“ (1906 г.).	
Мир	95
Во славу ветра	98
Европа	101
Из книги „Вся Фландрия. Герои“ (1908 г.).	
Эско	103
Из книги „Властительные ритмы“ (1910 г.).	
Золото	107
Из книги „Зыблемые нивы“ (1912 г.).	
Девушки	110
Из книги „Алые крылья войны“ (1916 г.).	
Герои Льежа	112
Генерал Леман	114
Из книги „Высокое пламя“ (1917 г.).	
К вечернему путнику	117
Примечание переводчика	
Библиография Э. Верхарна	120
	121

Вышли в свет издания „ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“:

ОСНОВНАЯ БИБЛИОТЕКА:

<i>Г. Гейне</i>	— „Путевые картины“, т. VI.
<i>И. Гердер</i>	— „Сид“.
<i>К. Гольдони</i>	— „Комедии“, т. I и т. II.
<i>Т. Готфрман</i>	— „Музыкальные новеллы“.
<i>К. Лемонье</i>	— „Завод“.
<i>Ляо-Чжэй</i>	— „Рог призыва“.
<i>Новалис</i>	— „Лисьи чары“.
<i>Уот Уитмэн</i>	— „Гейнрих фон-Офтердинген“.
<i>Р. Роллан</i>	— „Листья травы“.
	— „Театр Революции“.
	— „Трагедии веры“.
<i>А. Франс</i>	— „Рассказы“.
<i>В. Гете</i>	— „Фауст“, ч. I и II.
	— „Вертер“.
<i>Э. Зола</i>	— „Западня“.
<i>В. Гюго</i>	— „93-й год“.
<i>Усама</i>	— „Книга назидания“.
<i>Эса де-Кейрош</i>	— „Реликвия“.
<i>Байрон</i>	— „Драмы“.
<i>Бернард Шоу</i>	— „Пьесы“.

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА:

<i>О. Уайльд</i>	— „Гранатовый дом“.
<i>В. Скотт</i>	— „Черный карлик“.
<i>Р. Хаггард</i>	— „Копи царя Соломона“.
<i>К. Мейер</i>	— „Святой“.
<i>Федерер</i>	— „Прометей“.
<i>Уэллс</i>	— „Невидимка“.
<i>Гейерманс</i>	— „Город бриллиантов“.
<i>М. Твен</i>	— „Принц и нищий“.
<i>Дж. Лондон</i>	— „Любовь к жизни“.
<i>М. Барри</i>	— „Белая птичка“.
<i>Р. Саути</i>	— „Баллады“.
<i>А. Иркулано</i>	— „Исторические повести“.
<i>Иенсен</i>	— „Ледник“.
<i>Ф. Шиллер</i>	— „Вильгельм Телль“.
<i>Ч. Диккенс</i>	— „Колокола“.
<i>Л. Стерн</i>	— „Сентиментальное путешествие“.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

<i>Ж. Ромэн</i>	— „Довогоо-Тонка“.
<i>П. Бенуа</i>	— „Атлантида“.
<i>Г. Уэллс</i>	— „Неугасимый огонь“.
<i>У. Синклер</i>	— „Сто процентов“.
<i>Р. Роллан</i>	— „Коля Бреньон“.
<i>Р. Гольст</i>	— „Лирические драмы“.
<i>Г. Верфель</i>	— „Человек из зеркала“.
<i>К. Гамсун</i>	— „Соки земли“.
<i>В. Маран</i>	— „Батуала“.
<i>Г. Мейринк</i>	— „Голем“.
<i>С. Лагерлев</i>	— „Гномы и люди“.
<i>К. Эдсмид</i>	— „Шесть притков“.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

№ 1 издаваемого „ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ“ иллюстрированного журнала

„ВОСТОК“.

ПЕЧАТАЕТСЯ № 2.

№ 1 издаваемого „ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ“ журнала

„СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД“.

ПЕЧАТАЕТСЯ № 2.

Редакция и контора: Петроград, Моховая, 36.

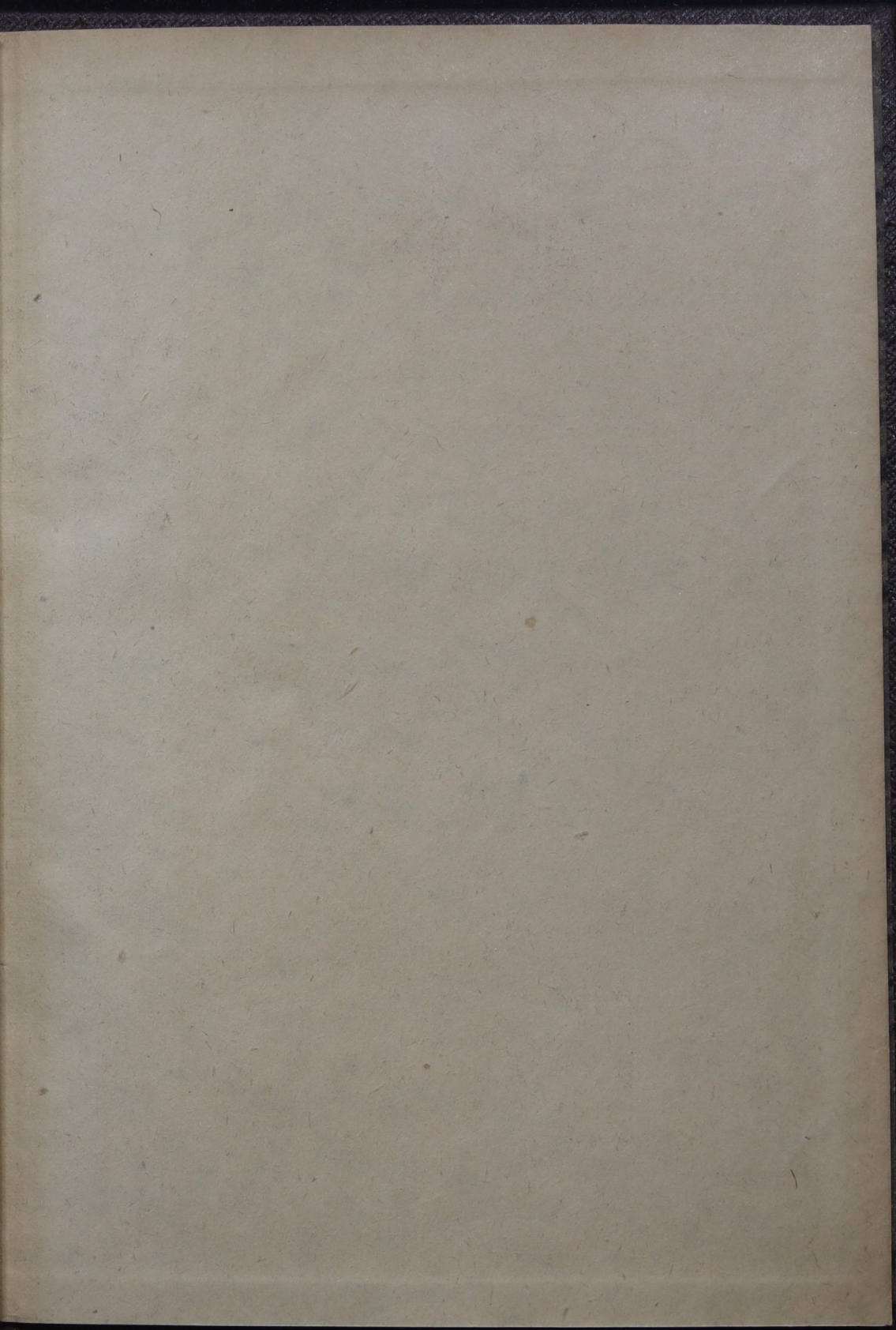
ОПТОВАЯ ПРОДАЖА

В ТОРГОВОМ СЕКТОРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

- 1) Москва, Ильинка, Биржевая пл., уг. Богоявленского пр., № 4.
- 2) Петербург, Проспект 25 Октября, № 28.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА:

- 1) В магазинах Госиздата и в других книжных магазинах.

8
13